

XVI $\frac{35}{10}$

1908 ~ 12-13. 15-17

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ № 12—13

1—15 Юля.

1914 NIKITA

1000 71 1

61-81-24 24 11

Румянцев
Библиотечка
Том

Атлантида

1908

№№ 12—13. 1—15 Июля.

Дѣти, бесѣдующія о политикѣ.

Ф е д я.

Китайскимъ царемъ я бы сдѣлаться радъ,
За это я отдалъ бы лучшихъ солдатъ!
Въ столицѣ священной китайскихъ боговъ
Я жилъ бы средь храмовъ и пышныхъ дворцовъ!
Ужъ мнѣ не пришлось бы диктантовъ писать,
И я приказалъ бы пирожныхъ подать!
И шелкомъ обиты изъ кости палаты,
На мнѣ золотыя съ брильянтами латы;
Въ шелковой кровати пуховы подушки,
Изъ кости слоновой набралъ бы игрушки!
И кто возражать мнѣ и спорить бы сталъ,
Бамбуковой тростью того бь наказалъ!

Л и з а.

Смѣшно мнѣ! Не стала бы я нипочемъ
Несчастливымъ и бѣднымъ китайскимъ царемъ!
Ни вилку, ни ножикъ въ обѣдъ не даютъ,
Все пальцами въ ротъ, не стѣсняясь, суютъ!
Царю не защита священнѣйшій градъ,
Коль нѣтъ у царя благородныхъ солдатъ!
И если безъ матери, мудрой царицы,
Царь приметъ рѣшеніе насчетъ заграницы,
Бываетъ наказанъ онъ тростью бамбука!
Не правда ли, Федя, веселая штука?

Ф е д я.

Солдатъ своихъ здѣсь порѣшилъ я оставить;
Китаемъ царь прежній, какъ правилъ, пусть править!

А. Гиль.

Н. А. Римскій-Корсаковъ.

(Къ портрету).

Въ ночь на 8 іюня скончался извѣстный русскій композиторъ Николай Андреевичъ Римскій-Корсаковъ.

Имя покойнаго, безъ сомнѣнія, хорошо знакомо читателямъ журнала, такъ какъ никакія оперы такъ охотно не посѣщались нашимъ молодымъ поколѣніемъ, какъ произведенія покойнаго Николая Андреевича.

Театръ, во время исполненія его оперъ: „Снѣгурочка“, „Ночь подъ Рождество“, „Садко“, сплошь пестрѣлъ веселыми дѣтскими личиками, жадно ловящими нѣжные звуки ихъ мелодичной музыки.

Кромѣ перечисленныхъ оперъ Н. А. написаны еще „Псковитянка“, „Майская ночь“, „Млада“, „Царская невѣста“ и множество различныхъ мелкихъ музыкальных произведеній.

Н. А. родился въ Тихвинѣ въ 1844 году. Образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Первые произведенія написаны имъ во время трехлѣтняго кругосвѣтнаго плаванія, въ бытность его морскимъ офицеромъ.

Катринъ, Катишь, Катюшка и Катька.

(Исторія одной Кати).

Разсказъ Л. Чарской *).

I.

Шляпница, M-elle Эрнестинъ, прикинула что то легкое, розовое и прозрачное на бѣлокурую, всю въ пышныхъ локонахъ, головку Катринъ.

— Теперь вы выглядите прелестно, графиня, своимъ чуть картавымъ голосомъ произнесла обрусѣвшая швейцарка, ласково и нѣжно улыбаясь дѣвчкѣ.

---

*) Въ № 24 журнала за прошлый 1907 годъ былъ помѣщенъ разсказъ Л. Чарской „Катька, Катюшка, Катишь и Катринъ“ (Исторія одной Кати). Въ виду заявленнаго многими читателями желанія узнать дальнѣйшую судьбу Кати, редакція помѣщаетъ настоящій разсказъ, который хотя и является продолженіемъ прошлогдняго, но въ то же время вполнѣ самостоятеленъ и прочтется съ интересомъ даже тѣми, кто не читалъ первой его половины.

Въ ближайшемъ № журнала будетъ помѣщенъ разсказъ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ „Какъ Таля и Дуся жили у моря“, который также служитъ продолженіемъ серіи разсказовъ о Талѣ и Дусѣ („Голубятня“, „Бѣгство Тали“ см. №№ 1 и 9 за 1907 годъ).

Дѣйствительно, Катринъ казалась прелестной. Высокая, тоненькая, нарядная блондинка, съ розовыми щечками и безподобными синими, синими, какъ морская волна, глазами, она скорѣе походила на граціозную фею, слетѣвшую сюда, въ это пестрое царство, разноцвѣтной соломки, перьевъ, тюля и лентъ, нежели на обыкновенную четырнадцатилѣтнюю барышню-подростка. Катринъ не безъ удовольствія повернулась передъ огромнымъ трюмо въ золоченой рамѣ, подняла руки, стянутыя душистой лайкой и осторожно поправила на шляпѣ пышное, прихотливо завитое, дорогое перо. И разомъ то легкое, розовое и прозрачное, что покоилось на бѣлокурой головкѣ Катринъ, казалось, стало легче розовѣй и прозрачнѣй... Шляпа приняла новую форму, красоту и еще болѣе изысканный видъ.

— Да вы настоящая волшебница, дорогая графиня! Смотрите, сколько вкуса у васъ!—Вы насъ всѣхъ за поясъ заткнете, увѣряю васъ, графиня!—восторженно вскричала M-elle Эрнестинъ съ явнымъ восхищеніемъ любуясь дѣвочкой.

— Ну, вотъ и отлично,—засмѣялась та,—когда мы съ маманъ обѣднѣмъ, вы и возьмете меня къ себѣ въ мастерскую... Неправда-ли, милая M-elle Эрнестинъ?

Швейцарка-модистка расхохоталась отъ души веселой шуткѣ Катринъ. Разсмѣялись и двѣ ея помощницы: смугленькая евреечка Сара и бѣлокурая нѣмка Эва, засмѣялись и четыре дѣвочки, служившія для посылокъ въ большой, модной шляпочной мастерской M-elle Эрнестинъ.

— О, вамъ не придется, дастъ Богъ, испытать это, дорогая графинюшка,—ласково проговорила M-elle Эрнестинъ,—ваша маманъ такъ богата... такъ богата! И добра, о, какъ добра ваша прелестная маманъ!

Катринъ покраснѣла отъ удовольствія.. Ей было пріятно слышать похвалы матери, которую она очень любила.

Потомъ, то розовое, легкое и прозрачное, какъ мечта, что покоилось на ея кудряхъ, сняли съ головы Катринъ и, уложивъ въ бѣлую картонку, вручили стоявшему у дверей моднаго магазина выѣздному.

— Всего лучшаго, графиня! Заѣзжайте къ намъ почаще, — кивая головою Катринъ, произнесла хозяйка мастерской.

— До свиданія, дорогая M-elle—и Катринъ, прелестная и нарядная, какъ бабочка, выпорхнула на подѣздъ въ сопровожденіи лакея съ картонкой.

У подѣзда стояла красивая карета на резиновыхъ шинахъ, съ англичаниномъ-кучеромъ на козлахъ, Катринъ птичкой впорхнула въ купе, лакей помѣстился рядомъ съ грумомъ и, нарядный какъ игрушка, изящный экипажъ покатился по торцовой мостовой шумнаго города.

Весело было на душѣ Катринъ. Она помянуто высовывалась изъ окна, любуясь встрѣчными роскошными магазинами, огромными домами, зеркальными стеклами и веселою, какъ на праздникъ, куда то стремившеюся толпою.

И прохожіе, казалось, невольно любовались нарядной и хорошенькой, какъ куколка, дѣвочкой выглядывавшей съ выраженіемъ самаго живого любопытства изъ окна экипажа.

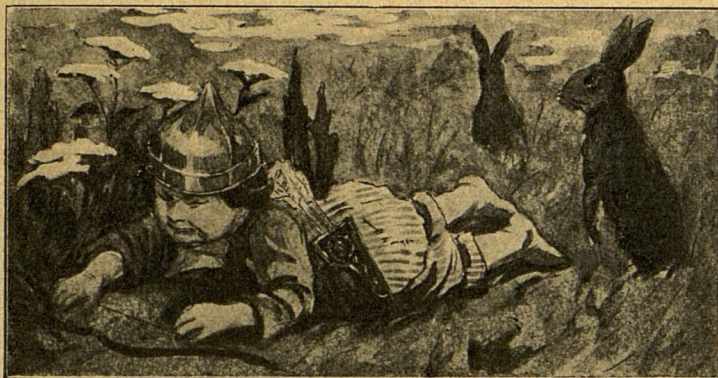
Но вотъ, миновавъ нѣсколько самыхъ модныхъ улицъ, карета повернула на площадь и остановилась у богатаго, съ зеркальными окнами, небольшого особняка. Въ тотъ же мигъ выбѣжалъ на улицу изъ подѣзда швейцаръ и кинулся со всѣхъ ногъ открывать дверцы кареты.

— Слава Богу, барышня! А мы думали не дождемся!

Его необычайно взволнованное лицо и срывающійся голосъ заставили задрожать Катринъ съ головы до ногъ.

— Что такое, Петръ, что нибудь съ татап?—проронила она чуть слышно, и смертельная блѣдность разлилась по ея лицу, такому веселому и оживленному до этой минуты.

Богатырь.

Рис. худ. И. Попова.

— Ихъ сіятельство... Не извольте... безпокоиться... плохо себя почувствовали... ихъ сіятельство... Пожалуйте къ нимъ...— безпорядочно роняли поблѣднѣвшія губы швейцара.

— Маман плохо! Боже мой! И быстро, быстро, какъ только могла, Катринъ бросилась въ прихожую, оттуда въ пріемную и, наконецъ, въ спальню графини, не слыша и не понимая, что кричалъ ей спѣшившій за нею лакей. На порогѣ будуара, смежномъ съ комнатою, гдѣ спала графиня, Катринъ остановилась, приложила руку къ сильно-бывшему сердцу, съ трудомъ перевела учащенное дыханіе и, собравъ разомъ покинувшія ее было силы, вошла.

Въ спальнѣ графини царилъ полумракъ. Лампа подъ зеленымъ абажуромъ была отставлена подальше на столъ, съ тѣмъ расчетомъ, очевидно, чтобы свѣтъ электричества, хотя и смягченный зеленою тафтою, не помѣшалъ больной. У широкой кровати стоялъ докторъ—домашній врачъ графини Сорской, и ея любимая горничная Феня.

Сама графиня лежала на постели, какъ-то странно вытянувшись, съ лицомъ, обращеннымъ къ двери и съ широко раскрытыми глазами.

Быль-ли зеленый цвѣтъ абажура или неясныя тѣни тому виною, но вбѣжавшей въ комнату Катринъ показались странными, почти землянистыми и вытянувшимися, какъ у трудно больной, черты графини.

Что-то больно ударило ее въ сердце.

Рыданье подступало къ горлу...

— Что съ маман? Что? Скажите, ради Бога, докторъ— кинулась она, вся дрожа отъ какого-то неяснаго предчувствія, къ врачу.

Тотъ печально взглянулъ въ лицо дѣвочки, положилъ свою большую руку на плечо Катринъ и произнесъ тихо, тихо, чуть слышно:

— Бѣдное дитя! Бѣдная малютка! Если-бы вы пріѣхали двумя минутами раньше!—И отвернулся отъ Катринъ смахнувъ непрошенную слезу. Инстинктомъ Катринъ поняла страшную истину.

— Маман! Маман! вскричала она дикимъ голосомъ и упала головой на грудь графини. И въ тотъ же мигъ отскочила назадъ, увидя устремленный на себя, успѣвшій уже застеклянѣть, широко-раскрытый неживой взглядъ графини.

Громкое рыданіе вырвалось изъ груди Катринъ... Она не сомнѣвалась больше въ ужасной истинѣ...

Графиня Сорская была мертва.

II.

Тяжелые дни потянулись въ жизни Катринъ.

Въ ея бѣлокурые волосы вплели траурныя ленточки, нашили бѣлые плерезы на черное суконное платье, завѣсили зеркала и трюмо въ гостинной, и сѣрая фея печали воцарилась въ графскомъ особнякѣ на большой площади.

Ровно въ 11 ч. утра и въ 8 вечера приходило духовен-

ство и пѣвчіе изъ сосѣдняго собора, служили панихиды у тѣла графини и снова поднимался тотъ сердце и душу надрывающій плачь, который раздается неизбѣжно въ тѣхъ домахъ, гдѣ находится покойникъ.

Умершая графиня лежала нарядная, красивая и величавая въ своемъ металлическомъ гробу, вся усыпанная цвѣтами, съ улыбкой покоя на плотно сомкнутыхъ мертвыхъ устахъ.

Прошли положенные дни панихидъ и приготовленій, раннимъ весеннимъ утромъ подняли съ обитаго глазетомъ катафалка гробъ графини и подъ пѣніе молитвъ вынесли изъ квартиры на улицу, гдѣ уже ожидала его траурная колесница подъ высокимъ балдахиномъ, увѣнчанномъ графской короной. Двинулась колесница, запѣли пѣвчіе и толпа провожавшихъ медленно поплелась за мѣрно покачивающимся впереди нея катафалкомъ. За ними потянулись кареты... Кареты, кареты, безъ конца...

Катринъ шла за гробомъ графини. Блѣдная, заплаканная, съ покраснѣвшими отъ слезъ вѣками, она казалась воплощеніемъ отчаянія и тоски... Самое близкое, самое дорогое для нея существо лежало тамъ, подъ мѣрно покачивающимся парчевымъ катафалкомъ.

А между тѣмъ графиня была даже не родственницею Катринъ. Еще четыре года тому назадъ Катринъ не знала даже о существованіи той, которая явилась пріемною матерью и благодѣтельницею дѣвочки.

Да и самой Катринъ еще не существовало года четыре тому назадъ. вмѣсто Катринъ жила въ деревнѣ, въ избушкѣ тетки Авдотьи, сиротка, дѣвочка Катька. Тетка Авдотья пріютила у себя сироту Катьку послѣ смерти ея родителей, надѣясь сдѣлать ее своей помощницей и работницей, но вышло иначе... Тетка Авдотья ходила по стиркамъ на господ-

скія дачи, а дѣвочка Катька бродила безцѣльно вокругъ деревни и сосѣднихъ домовъ - дачекъ, и смотрѣла на нарядныхъ играющихъ дачниковъ дѣтей, любуясь ими.

Странную шутку сыграла судьба съ Катькой. Тетка Авдотья не злая, но раздражительная отъ непосильныхъ трудовъ женщина, поймала какъ-то на мѣстѣ преступленія дѣвочку, въ то время, какъ она, забывъ о возложенныхъ на нее обязанностяхъ, глазѣла на игры сосѣдскихъ дачниковъ дѣтей.

Тетка Авдотья жестоко побила тогда Катьку.

Дачники же вступились за дѣвочку и тутъ же уговорили прачку отдать имъ въ услуженіе хорошенькую голубоглазую Катьку. Задумано—сдѣлано. Переѣхала Катька съ господами въ городъ, жила на посылкахъ, гоняли ее всюду за покупками, заставляли убирать весь домъ и въ концѣ концовъ, разсердившись за какую-то разбитую вещь ея неловкими рученками, прогнали ее отъ себя.

Француженка - портниха, М-ме Мишо, взяла къ себѣ Катьку и начала обучать ее кройкѣ и шитью. Но, очевидно, судьба преслѣдовала дѣвочку. Какъ-то разъ послала Мишо Катьку за деньгами къ заказчицѣ. Была вьюга, метель, холодъ и Катька, продрогшая до костей, не донесла денегъ по назначенію, врученныхъ ей для „мамамы“. Потеряла маммины деньги Катька. Мамама кричала, бранилась и, въ концѣ концовъ, вытолкнула на улицу, въ вьюгу и стужу злосчастную дѣвочку.

Бродила, бродила по улицамъ Катька, сбилась съ ногъ, и присѣла, полузамершая, на чьемъ то подѣздѣ. Присѣла, забылась и стала замерзать... И опять сыграла одну изъ своихъ неожиданныхъ проказъ судьба надъ маленькой Катькой...

Дѣвочка очнулась, но не на стужѣ и не на холодѣ, а

въ теплой, уютной комнатѣ, куда ее, чуть живую, перенесли добрые люди.

И тутъ-то и началась лучезарная сказка. Лучшая страничка жизни недавней деревенской дѣвочки-босоножки.

Графиня Сорская, у которой незадолго передъ тѣмъ умерла дочь, пріютила Катку у себя въ домѣ. Она окружила ее роскошью и богатствомъ, гувернантками и учителями, рядила, какъ куколку, баловала напрадую.

Розовая сказка все развѣтывалась шире и шире передъ недавнею Каткой, вѣрнѣе теперь уже передъ названною молоденькою графиней Катринъ... Какъ вдругъ... Сердечный припадокъ... Разрывъ сердца и... вотъ въ одинъ несчастный день графини не стало... Она умерла такъ неожиданно и быстро, что не успѣла даже сдѣлать завѣщанія въ пользу Катринъ.

Печально шла за гробомъ бѣдная, худенькая Катринъ и, вслушиваясь въ заунывное пѣніе пѣвчихъ, думала о томъ, что она теперь одна, совсѣмъ одна одинешенька въ цѣломъ огромномъ мірѣ.

III.

— Ваше сіятельство, что разсѣлись, сложивши ручки?.. Сколько не сидите, ничего путнаго не придумаете, все равно, Слышите, что графскіе родственнички то о васъ говорятъ, что совсѣмъ будто не при мѣстѣ здѣсь ваше сіятельство!

Шипитъ насмѣшливый голосъ надъ самымъ ухомъ задумавшейся Катринъ. Дѣвочка вскакиваетъ, вся дрожа съ головы до ногъ. Ея синіе глазки испуганно поднимаются на говорившую. Передъ ней бывшая компаньонка покойной графини, Марія Антоновна или Мими, какъ называла покойная это худое, язвительное, маленькое существо, исполненное зависти и ненависти, казалось, ко всему міру.

Мими всегда ненавидѣла Катринъ и втихомолку отъ графини, ихъ общей благодѣтельницы, неразъ нападала на нее.

— Что вы, Марья Антоновна, нашу графинюшку то обижаете, часто вступалась за кроткую Катринъ, всей душой расположенная къ ней, горничная Феня.

— Какая она графинюшка,—фыркала Мими и презрительно оттопыривала свои тонкія, злыя губы,—подобрали мужичку - нищенку на улицѣ, нарядили ее въ шелкъ да бархатъ и думаютъ, что графинею сдѣлали. А она такую же, какъ была, деревенщиной и осталась.—Злорадно заключала Мими.

Феня не могла слышать этихъ нападокъ и вступалась горячо за милую, тихую, всегда вѣжливую съ прислугой графскую воспитанницу. Этимъ она возбуждала еще больше ненависть и злобу въ ненасытной Мими.

Послѣдняя неспроста не взлюбила Катринъ. Жестокая, льстивая, хитрая и завистливая она не могла примириться съ мыслью, съ тѣмъ что подлѣ графини Сорской была теперь эта хорошенькая, кроткая синеглазая дѣвочка, которая „украла“ и любовь и ласку графини, у нея, Мими....

И теперь, когда покойница графиня лежала подъ фамильнымъ памятникомъ, въ мраморномъ склепѣ графовъ Сорскихъ, Мими не могла упустить случая, чтобы не посмѣяться жестоко и зло надъ ненавистной ей Катринъ.

Какъ темный духъ злобы и мщенія появилась она передъ удрученной горемъ Катринъ и язвительно зашипѣла ей въ уши:

— Какъ же, какъ же, ваше сіятельство, вспомнили и о васъ графскіе родственники и приказали вамъ черезъ меня убраться отсюда по-добру по-здорову.

— Какъ убраться?—не поняла Катринъ.

— А очень просто, миленькая вы моя,—съ Богомъ по-морозцу... — жестоко разсмѣялась Мими. — Ну, да что съ вами попусту время терять, — неожиданно грубо перемѣнила она тонъ, глядя на испуганную и изумленную дѣвочку своими маленькими злыми глазками. — Собирайся сейчасъ же и маршь! Вонъ отсюда! Вотъ и твой паспортъ!

Блѣдное и безъ того лицо Мими стало еще блѣднѣе. Черты ея исказились отъ злобы.

О, съ какимъ бы наслажденіемъ она схватила за плечи эту ненавистную ей дѣвченку и вытолкала-бы ее за дверь! Но появилась Феня и помѣшала сдѣлать это. Съ плачемъ обняла она ничего не понимавшую, испуганную Катринъ и зашептала, обливая слезами ея руки и платье:

— Золотая вы моя, родненькая! Звѣри это... Ахъ, звѣри! А пуще всѣхъ Мимиша эта... Сущая вѣдьма она... Вѣдь такого наговорила про васъ родственникамъ графини, что вы будто и злая-то, и капризная и графиню до смерти своимъ характеромъ довели... Не хотятъ они васъ оставить при себѣ, бѣдняжка вы моя... Велятъ изъ дому выѣзжать... Все изъ за вѣдьмы этой... Да вы не горюйте, золотенькая вы моя барышня, я вамъ адресокъ дамъ... Знакомые у меня здѣсь есть, такъ у нихъ покуда что... побудете.... Вотъ и адресокъ, спрячьте, бѣдняжка.—И плача, и цѣлуя дѣвочку, Феня совала ей въ руку бумажку съ адресомъ и конвертъ съ письмомъ, и какія-то деньги, какія и откуда не могла понять и уяснить себѣ, окончательно потерявшаяся и разстроенная Катринъ.

Точно во снѣ, въ тяжеломъ кошмарномъ снѣ, находилась она, пока одѣвала ее Феня, пока провожала на подъѣздъ.

Очнулась Катринъ только на улицѣ, на той самой улицѣ, по которой ѣздила только въ экипажахъ или гуляла въ сопровожденіи графини, гувернантки или Мими.

Теперь же одинокая, всѣми покинутая дѣвочка очнулась одна одинешенька среди чуждой ей, непривычной обстановки.

Первою ея мыслью было уйти, какъ можно скорѣе уйти отъ того дома, откуда ее выгнали теперь, благодаря злымъ наговорамъ завистливой и ненавидящей ее Мими.

Уйти...

Правда, Феня говорила ей что-то, дала ей какой-то адресъ, деньги, но все это Катринъ выронила изъ рукъ, гдѣ—она не помнила сама... не знала...

Что-же дѣлать теперь?... Да, что дѣлать?—впервые ударились въ голову Катринъ жуткая безпокойная мысль.

Передъ нею, какъ въ калейдоскопѣ, промелькнули событія... Три послѣдніе года ея у графини... Ласки доброй благодѣтельницы, придирки Мими и то страшное, непоправимое, что обрушилось съ такою всеокрушающею силой на ея бѣлокурую головку...

Что ей дѣлать? Куда идти? Вѣдь ее выгнали, выгнали безповоротно изъ графскаго дома по наговору Мими, выгнали безжалостные наслѣдники графини. Катринъ хотѣлось вскрикнуть, заплакать, упасть на землю и биться въ отчаяніи о каменные плиты тротуара. Но вдругъ внезапная мысль быстрой зарницей прорѣзала ея помутившуюся отъ отчаянія голову.

Она будетъ работать... Трудиться... и не все еще потеряно, не все! Да, да трудиться! Вѣдь она не маленькая, Катринъ... Ей четырнадцать лѣтъ.

Къ M-elle Эрнестинъ! Вотъ куда она пойдетъ!

Вотъ, гдѣ выходъ, гдѣ спасенье!

Катринъ оживилась. На блѣдныхъ щекахъ заиграли пятна румянца. Глаза блеснули. Она почувствовала, что въ трудѣ и работѣ ей легче будетъ перенести утрату ея благодѣтельницы, графини.

Отъ дома Сорской до моднаго магазина M-elle Эрнестинъ было неособенно далеко. Катринъ знала хорошо дорогу. Сколько разъ она прѣзжала сюда въ хорошенькой кареткѣ-купе. Сколько шляпокъ приходилось ей заказывать, по желанію ея благодѣтельницы, въ этомъ магазинѣ.

Черезъ полъ-часа ходьбы Катринъ уже стояла передъ дверью подъѣзда модной мастерской.

— M-elle Эрнестинъ!

— Графиня!

Швейцарка-модистка выпучила на Катринъ свои изумленные глаза. На рѣсницахъ Катринъ блестѣли слезинки.

Добрая отъ природы M-elle Эрнестинъ разомъ поняла душевное настроеніе дѣвочки. Она была на похоронахъ графини, видѣла презрительное отношеніе богатыхъ наслѣдниковъ къ графскому приемышу и жалѣла теперь бѣдную дѣвочку отъ души. Но M-elle Эрнестинъ еще не знала всего того, что случилось съ Катринъ.

И поэтому, когда дѣвочка съ рыданіемъ проговорила, захлебываясь слезами:

— О, M-elle Эрнестинъ, добрая, хорошая M-elle, возьмите меня къ себѣ,—у швейцарки глаза округлились отъ неожиданности и изумленія.

Катринъ, не переставая плакать, повѣдала ей свое горе...

— И это люди! Это люди! возмущенная и взволнованная вскричала она въ то время, какъ слезы жалости брызнули у нее изъ глазъ.—Мое бѣдное дитя! Успокойтесь! Я охотно оставляю васъ у себя и научу нашему искусству!

И она нѣжно обняла и поцѣловала вздрагивающую отъ слезъ Катринъ.

IV.

— Удостоите насъ взглядомъ, прелестная графиня!

— Подарите вашей очаровательной улыбкой насъ грѣшныхъ!

— Или всѣ графини такія немилостивыя, какъ вы? Также горды, надменны со всѣми! Какая васъ муха укусила, ваше сіятельство, осмѣливаюсь спросить?

— Брось ее, Эва, ихъ сіятельство съ лѣвой ноги изволили подняться сегодня!

— Графиня не въ духѣ! Но надо развлечь въ такомъ случаѣ ихъ сіятельство! Скорѣе, Сара, прикажи кучеру закладывать лошадей Ихъ сіятельство разсѣется на воздухѣ отъ дурного расположенія духа!

Дѣвушка хохотала. Хохотала смугленькая Сара, хохотала бѣлокурая Эвочка. Слѣдомъ за мастерицами хихикали и дѣвочки: Маня, Лилуша, Ольга и Лена.... Катринъ, служившая мишенью всѣхъ этихъ насмѣшекъ сидѣла, какъ на иголкахъ, едва удерживаясь отъ слезъ. Ея щеки пылали. Игла, которою она прикрѣпляла какой-то фантастическій бантъ къ шляпѣ изъ голубой соломки, такъ и плясала въ ея, трепещущихъ отъ волненія, пальцахъ.

И такъ случалось ежедневно, лишь только M-elle Эрнестинъ, уѣзжая за покупками, отлучалась изъ мастерской.

Обычно травлю начинала Эвочка. Это была очень хорошенькая дѣвушка съ бѣлыми, какъ у принцессы, руками. Отецъ Эвочки когда то долженъ былъ получить большое наследство и вся семья жила надеждою жить „по-княжески“, мечтая имѣть собственный домъ, лошадей, наряды. Но наследство досталось кому-то другому и Эвочкѣ, твердо надѣявшейся на роскошную полную довольства жизнь, пришлось занять скромное мѣсто модистки въ шляпной мастерской M-elle Эрнестинъ. Эвочка считала себя крайне обиженной судьбою. Еще бы! Ей, такой хорошенькой и нѣжной, съ такими бѣлыми настоящими княжескими ручками приходилось

гнуть спину надъ скучной безотрадной работой. Она даже не имѣла представленія о томъ, что пережила Катринъ, эта недавняя „графиня“, на которую разомъ обрушила все свое разочарованіе и озлобленіе на судьбу—хорошенькая Эвочка. Глухая зависть ѣла молодую дѣвушку. Зависть къ недавнему прошлому Катринъ, зависть къ бывшей роскошной жизни послѣдней, къ нарядамъ и экипажамъ, которыми пользовалась хоть и недолго бѣдная, маленькая Катринъ.

Эвочка видѣла къ тому же, какъ добро и ласково относится M-elle Эрнестинъ, хозяйка, къ Катринъ и еще болѣе ненавидѣла за это послѣднюю.

Не было дня, чтобы Эвочка не пилила и не мучила своими насмѣшками „развѣнчанную графиню“, какъ она называла Катринъ. Смѣялись надъ нею и остальные, больше изъ желанія угодить Эвочкѣ, злого язычка которой сильно побаивались въ мастерской. Сегодня Эвочка была злѣе, чѣмъ когда либо, и буквально допекала Катринъ своими насмѣшками.

Худенькая, еще болѣе поблѣднѣвшая со дня своего пребывания въ мастерской, Катринъ еле-еле сдерживала слезы. Она крѣпилась изо всѣхъ силъ, чтобы не разрыдаться во весь голосъ.

Но вотъ дрогнулъ колокольчикъ у входной двери... Вздрогнула съ нимъ вмѣстѣ и Катринъ.

Слава Богу, возвращалась хозяйка въ мастерскую и насмѣшки Эвы должны были прекратиться волей неволей до... завтра, по крайней мѣрѣ.

M-elle Эрнестинъ вошла радостная, сіяющая, внося съ собою свѣжую струю воздуха.

Ея лицо улыбалось еще издали Катринъ. Молча приблизилась она къ склоненной надъ работой дѣвочкѣ, молча взяла у нее голубую соломку съ фантастическимъ бантомъ

изъ рукъ и нѣсколько минутъ сосредоточенно и внимательно разглядывала работу:

— Прелестно, дитя мое, у васъ большія способности и много вкуса! Très chic! произнесла она, ласковымъ взглядомъ одобряя унылую, грустную Катринъ.

Потомъ обратилась ко всѣмъ остальнымъ дѣвочкамъ и мастерицамъ.

— Берите примѣръ съ Катринъ, Mesdemoiselles. Она работаетъ только третій мѣсяцъ, а между тѣмъ все, что выходитъ изъ подъ ея руки, полно изящества и вкуса!

— Гдѣ ужъ намъ тянуться съ ихъ сіятельствомъ графиней! Серdito буркнула Эвочка изъ своего угла.

— Стыдитесь, Эва,—строго остановила M-elle Эрнестинъ молодую дѣвушку.—Ужъ вамъ то—взрослой дѣвицѣ—стыдно обижать маленькую сироту.

— Хороша сирота...—снова проворчала та.

— Молчите! Лучше займитесь вашей работой повнимательнѣе, а то послѣднее время вы стали очень небрежно относиться къ дѣлу!—сурово оборвала молоденькую мастерицу M-elle Эрнестинъ и, позвавъ Катринъ, долго и тихо разговаривала о чемъ-то съ дѣвочкой.

V.

Произошло нѣчто неожиданное со времени существованія мастерской M-elle Эрнестинъ. Ровно черезъ три мѣсяца по поступленіи туда „дѣвочкой-работницей“, Катишь, какъ ее называла теперь хозяйка, сдѣлали мастерицей!

Пятнадцатилѣтняя мастерица!

Неслыханное дѣло до сихъ поръ въ трудномъ дѣлѣ моднаго искусства!

Но у маленькой Катишь были большія способности и

M-elle Эрнестинъ не могла нахвалиться на свою юную мастерицу. Но въ модной мастерской не раздѣляли этой симпатіи къ „развѣнчанной графинѣ“, казалось, другія. И смуглая Сара, и четыре насмѣшливо хихикающія дѣвочки - помощницы, и бѣлокурая Эвочка, (особенно Эвочка!) теперь уже окончательно не давали покоя новой мастерицѣ. Насмѣшками, язвительными фразами досаждали онѣ Катишѣ.

Эвочка превратилась въ настоящую злючку. Катишѣ съ ужасомъ думала о томъ, что ей придется еще долгіе годы переносить эту муку, прежде чѣмъ она найдетъ возможность самостоятельно зарабатывать свой хлѣбъ.

Если бы Катишѣ пожаловалась хозяйкѣ, послѣдняя удалила-бы, по всей вѣроятности, Эвочку изъ мастерской, но Катишѣ была кротка и терпѣлива, какъ овечка, предпочитая скорѣе выносить весь этотъ градъ насмѣшекъ, нежели принести вредъ даже самому злѣйшему врагу.

— Почему вы такъ грустны, Катишѣ? неразъ обращалась къ дѣвочкѣ съ заботливымъ вопросомъ хозяйка.

— Вспомнила покойную маман — графиню, отвѣчала грустнымъ голосомъ дѣвочка въ то время, какъ остальные мастерицы и ихъ помощницы фыркали у стола.

— Вспомнила покойную маман графинюшка наша, — дѣлая невѣроятную гримасу, передразнивала Катишѣ Эвочка и всѣ шестеро умирали отъ хохота, избѣгая, впрочемъ, попасться на глаза строгому взору M-elle Эрнестинъ.

VI.

Эвочка не ограничилась однѣми насмѣшками. Завистливая и злая она не могла простить первенства Катишѣ въ мастерской.

— Ладно-же, удружу я тебѣ, миленькій дружочекъ—

зловѣщимъ шопотомъ неразъ бурчала она себѣ подъ носъ, будешь ты помнить меня, сіятельная графинюшка, принцесса безъ подметокъ!

И кидала при этомъ злобно торжествующіе взгляды на ни въ чемъ неповинную Катишь.

У Эвочки было колечко. Совсѣмъ маленькое эмалевое колечко, съ перламутровымъ голубкомъ, которое однако очень любила Эвочка и одѣвала только по праздникамъ, когда хозяйка отпускала ее въ гости къ роднымъ.

И вдругъ эмалевое колечко Эвочки съ перламутровымъ голубкомъ пропало. Колечко, обычно, лежало въ жестяной коробкѣ отъ монпасье рядомъ съ запасными катушками, иголками, наперстками и прочими принадлежностями шляпочной мастерицы. Но когда въ одинъ прекрасный день Эвочка открыла жестянку, чтобы взять изъ нее колечко, — колечка не оказалось. Эвочка тутъ же съ мѣста подняла крики и шумъ.

— Колечко украли! Унесли колечко! Въ мастерской есть воровка! Стыдъ и срамъ! Воровка среди своихъ! Колечко украла! И она залилась слезами.

Это было такъ необычайно видѣть плачущую Эвочку, что всѣ удивились. Эвочка умѣла сердиться и кричать, насмѣшничать и язвить, но только не плакать...

Только не плакать...

Ее окружили, утѣшали, ласкали наперерывъ, скорѣе изъ боязни, нежели отъ добраго сердца.

— Бѣдная Эвочка! Такое прелестное колечко и вдругъ... Ахъ, бѣдная, бѣдная Эвочка!

Одна Катишь оставалась въ сторонкѣ. Ей было жаль Эвочку, какъ всякаго страдающаго челоуѣка, но подойти къ ней и утѣшать ее Катишь не рѣшалась. Слишкомъ много

обида и зла принесла ей эта дѣвушка, чтобы она могла найти въ душѣ желаніе пойти и приласкать ее.

Но слезы Эвочки мучили ее все-же и, чтобы не слышать ихъ, Катишь пошла въ другую комнату и углубилась въ работу, думая о своемъ коротенькомъ, но уже богатомъ событіи прошломъ. Сколько времени просидѣла она такъ, Катишь не замѣтила. Она очнулась лишь тогда, когда бѣлокурая Эвочка окликнула ее съ порога. Лицо у Эвочки было красно отъ слезъ, глаза распухли. Изъ подъ вздувшихся вѣкъ они сердито поблескивали недобрымъ огонькомъ.

— Сознайтесь, Катишь,—крикнула она запальчиво,—вы взяли мое колечко?

— Что?

Катишь даже привстала отъ изумленія. Что говоритъ Эвочка? или слухъ обманываетъ ее, Катю!

Она взяла кольцо? Она? Она?

— Ага, покраснѣли! Пожалуйста, не вздумайте отпираться! продолжала тѣмъ же злорадно-торжествующимъ тономъ Эвочка—мы догадались всѣ... мы знаемъ.. Да, мы знаемъ всѣ, что вы украли мое кольцо, госпожа развѣнчанная графиня!

Боже Великій! Что случилось съ нею, Катишь?

Дѣвочка поблѣднѣла, какъ платокъ, потомъ покраснѣла... И вся дрожа пролепетала, чуть слышно въ отвѣтъ:

— Кольцо я... не крала... Я не воровка... Лжете вы... всѣ вы лжете! и зарыдала навзрыдъ.

На бѣду М-elle Эрнестинъ не была дома. Ее ждали только къ вечеру—передъ закрытіемъ мастерской.

И Эвочка съумѣла прекрасно воспользоваться этимъ.

— Воровка! Воровка! Украла мое колечко, ты украла. Смѣетъ еще отпираться! Слышите, она еще отпирается, дѣвицы!—Кричала съ какимъ то упоеніемъ злая, торжествую-

щая Эвочка, впиваясь глазами въ страдальчески подергивающееся лицо ненавистной ей Катишь.

Больше не могла выносить Катишь ни этого крика, ни этихъ глазъ, ни этой травли.

— Я не крала, не крала,—неистовымъ воплемъ вырвалось изъ ея груди и, схвативъ пальто и шляпу, она, какъ безумная, ринулась изъ мастерской.

VII.

„Контора для найма прислуги“.

Гласила черная дощечка съ красиво выстроившимися на ней, какъ ряды оловянныхъ солдатиковъ, металлическими буквами.

Катишь стояла передъ черной дощечкой и мысль ея работала съ поразительной быстротой.

Войти въ контору... Записаться, получить мѣсто и служить... Вотъ единственное, что оставалось ей теперь. И не размышляя болѣе, она смѣло нажала ручку двери и вошла.

Двѣ барышни одна черненькая, другая блондинка орудовали за прилавкомъ, раздѣлявшимъ комнату на двѣ неравныя части. Тамъ, гдѣ суетились барышни, было меньше мѣста, въ большей же части помѣщенія толпились женщины, старыя и молодыя, всѣхъ возрастовъ, одѣтыя также съ поразительнымъ разнообразіемъ и сильно отличавшіяся своимъ видомъ одна отъ другой. Были тутъ и старенькіе бурнусы и темные платочки, были и модные ватерпруфы и нарядныя пестрыя шляпки на головахъ. Между женщинами, пришедшими сюда, въ контору, съ цѣлью предложить свой трудъ, мелькали и барыни нанимательницы, и мужчины всевозможныхъ профессій. Катишь, непривычная ко всей этой сутолкѣ, устало скользила по толпѣ глазами.

— Вашъ аттестатъ! услышала она рѣзкій голосъ надъ своей головою и точно проснулась отъ тяжелаго сна.

Барышня-брюнетка протягивала къ ней руку изъ-за прилавка.

— У меня нѣтъ аттестата! растерянно пролепетала она.

— Въ такомъ случаѣ ступайте въ другую контору, у насъ безъ аттестата не принимаютъ,—точно отрѣзала барышня и нетерпѣливо махнула Катишь рукой.

Сердце дѣвочки сжалось. Куда она пойдетъ теперь, въ какую контору? Ни конторъ, ни даже улицъ она почти не знаетъ, М-elle Эрнестинъ никогда не посылала ее за покупками, предоставляя дѣлать это другимъ своимъ ученицамъ.

Уничтоженная, испуганная Катишь устремила къ выходу.

— Постой-ка, дѣвочка! Подожди! услышала она чей то хриповатый голосъ за своими плечами и остановилась невольно у порога конторы. Передъ ней былъ небольшого роста худенькій старичекъ въ поношенной шинели, съ жидкою козлиной бородкою и въ мятой фуражкѣ на головѣ.

Его маленькіе глазки подъ красноватыми вѣками безпоковно бѣгали, какъ мышата въ клѣткѣ.

— Ты мѣста ищешь, дѣвочка? проскрипѣлъ его хриплый голосъ.

— Да,—чуть слышно проронила Катишь.—Я желала бы на мѣсто поступить.

— А какъ звать то тебя? а?

— Катериной.

— Катюшка, значитъ—хрипло разсмѣялся непріятный старикъ.

— Ну, вотъ, что Катюшка: я человѣкъ коммерческій, зря денегъ бросать не люблю и рубля ни за что ни про что бросать за запись въ конторѣ тоже не желаю, а посему

говорю тебѣ попросту: поступай ко мнѣ на мѣсто. За внучками ходить будешь, обѣдъ готовить, комнаты убирать. А жалованіе тебѣ положу на первое время два съ полтиной. Идетъ, что ли?

— Хорошо—также тихо и нерѣшительно проронила Катись.

Ей сразу показался непріятнымъ этотъ старичекъ съ лукавымъ пронырливымъ выраженіемъ недобраго лица, съ красными бѣгающими, какъ мышата, глазами. Но она рѣшила служить, добывать себѣ хлѣбъ работой и покорно послѣдовала изъ конторы за старичкомъ.

VIII.

— Нянька—злая! Нянька—глупая! Нянька—вѣдьма! Убейрайся вонъ! Видѣть тебя не могу.

И маленькій Митя, сжимая кулачки, лѣзъ ими въ самое лицо Катюшки.

Послѣдняя всячески старалась обуздать избалованнаго мальчугана. Но это едва ли было возможно въ тѣ минуты, когда неистовствовалъ мальчуганъ.

Митѣ Штурмову было пять лѣтъ. Онъ считалъ себя любимцемъ дѣдушки и позволялъ себѣ рѣшительно все, что не приходило на мысль этому капризному, драчливому, взбалмошному мальчугану. Но Митя былъ не единственнымъ несчастіемъ для Катись, преобразовавшейся теперь въ самую обыденную дѣвочку-прислугу, въ грязной ситцевой юбкѣ, съ загрубѣвшими въ работѣ пальцами. Кромѣ Мити былъ еще Лева, больной, раздражительный восьмилѣтній мальчуганъ, вѣчно терзавшійся расстройствами желудка, кашлями и лихорадками изъ-за всякаго пустяка. За нимъ долженъ былъ быть еще большій уходъ, нежели за его капризнымъ

братцемъ и потому немудрено, что молоденькая нянька совершенно выбивалась изъ силъ къ концу своего рабочаго дня.

Дѣдушку этихъ двухъ ангелочковъ звали Ильей Исаевичемъ Штурмовымъ. Жилъ онъ въ крошечной квартиркѣ, грязной и темной, гдѣ то въ самомъ захолустномъ петербургскомъ кварталѣ на второмъ дворѣ. Обѣ полутемныя комнатки и крошечная кухня, все это было биткомъ набито всевозможными вещами старыми и новыми, роскошными и простыми...

Квартирка Ильи Исаевича имѣла видъ склада громоздкихъ вещей или, попросту говоря, лавки, гдѣ можно было найти и купить все, рѣшительно все, начиная съ красиваго венеціанскаго зеркала въ золоченой рамѣ или письменнаго стола краснаго дерева и кончая самымъ простымъ мѣднымъ самоваромъ съ проломленными боками.

Илья Исаевичъ былъ ростовщикъ. Къ нему приносили вещи въ закладъ, а за это получали деньги, но подъ такіе чудовищные проценты, что дыбомъ поднимался волосъ на головахъ несчастныхъ кліентовъ Ильи Исаевича. Но зато къ Штурмову можно было нести все то, что не принималось въ столичныхъ ломбардахъ. И старыя платья, и поломанную мебель, и испорченные часы... Онъ умѣлъ при случаѣ, если бы закладчикъ не смогъ обратно выкупить вещи, спустить ее выгодно и нажить при этомъ ни одинъ рубль. Со своими кліентами Штурмовъ не стѣснялся. Неразъ, обливаясь слезами валялась у него въ ногахъ какая нибудь жена мастерового, заклиная Илью Исаевича отсрочить уплату процентовъ на самое непродолжительное время;—Илья Исаевичъ былъ неумолимъ въ этихъ случаяхъ и вещь торжественно переходила въ его руки.

Вотъ на какомъ „новомъ“ мѣстѣ очутилась, ничего подобнаго еще не встрѣчавшая въ жизни, недавняя графская

воспитанница. . . . .

— Нянька—противная! Нянька—дрянная! Убирайся! Не хочу тебя!—вопилъ только что проснувшійся Митя и то капризно теръ кулаками заспанные глаза, то махалъ ими передъ синими глазами Катюшки.

Послѣдняя была уже съ пяти часовъ на ногахъ. Успѣла поставить самоваръ, развести плиту, сходить на рынокъ, отстоявшій очень далеко, вычистить старенькую, засаленную одежду Ильи Исаевича и его внуковъ.

Теперь предстояла самая труднѣйшая изъ работъ: надо было поднимать съ постели Митю и его брата.

— Вставай, милый! Вставай, голубчикъ!—кротко урезонивала мальчика Катюшка...—Встанешь, одѣнешься, поможешься, Богу помолишься, я булочки дамъ съ молочкомъ...

— Какой булочки?

— Розанчика! миленькій, розанчика! Сейчасъ только теплаго, свѣженькаго принесла...

— Нѣтъ! Не смѣй давать ему розанчика... Розанчикъ я возьму. Я старшій... Мнѣ розанчикъ надо, не Митькѣ...—послышался другой капризный голосъ съ сосѣдней дѣтской кровати. Это Лева проснулся внезапно и заявлялъ на розанчикъ свои права.

— Всѣмъ хватитъ, милые, всѣмъ!—утѣшала съ рѣдкимъ терпѣніемъ мальчиковъ, Катюшка,—Левушкѣ розанчикъ, Митюшкѣ сайку. Вотъ и отлично! пробовала сквозь слезы улыбнуться она.

Но Митя запротестовалъ рѣшительно:

— Мнѣ розанчикъ! Мнѣ! Мнѣ!—вопилъ онъ изо всѣхъ силъ на всю квартиру.

— Нѣтъ мнѣ.—И быстро вскочивъ въ одной рубашонкѣ, Лева устремился къ столу со всѣхъ ногъ. Тамъ рядомъ съ

двумя глиняными кружками, наполненными теплымъ, только что вскипяченнымъ молокомъ, на тарелкѣ съ отломленнымъ краемъ лежали двѣ румяныя булки: розанчикъ и сайка.

Съ быстротою голоднаго звѣрька, Лева протянулъ руку и схватилъ розанчикъ,—но, прежде нежели успѣлъ записать кусокъ булки въ ротъ, Митя съ ревомъ кинулся на брата. Поднялась драка. Оба мальчика, въ однѣхъ рубашенкахъ, босые, топтались пыхтя и сопя на холодномъ, настывшемъ за ночь полу.

И при этомъ визжали, какъ безумные, награждая другъ друга пеньками и колотушками.

Разнять ихъ не было никакой возможности.

Катюшка всѣми силами старалась сдѣлать это, но... тщетно.

Дѣти были внѣ себя.

— Лева, Митюша!—вскричала она съ тоскою,—да перестаньте же вы!—и почувствовала, какъ кто-то сильно схватилъ ее въ тотъ же мигъ за волосы и злой, скрипучій голосъ закричалъ у ея уха.

— Ага! Такъ-то ты смотришь за дѣтьми! Босыми на полъ пускаешь! А Левушка еще слабенькій такой! Вотъ тебѣ за это! Вотъ тебѣ! Вотъ! Вотъ! Вотъ!

Искры посыпались изъ глазъ Катюшки.

— Пустите! Илья Исаевичъ! Пустите! Я не виновата, ей Богу-же, не виновата! Молила она, стараясь всѣми силами высвободить изъ рукъ взбѣшеннаго старика свою бѣлокурую косичку.

— Ладно! Теперь будешь помнить, какъ надо за ребятами ходить! Одѣвай ихъ живо, да гулять веди. Стой. А щи поставила?—скрипѣлъ непріятными нотами тотъ же сердитый грубый голосъ.

— Поставила, Илья Исаевичъ.—Тихо проронила дѣвочка, роняя крупныя слезы.

— Поскольку мясо-то купила? — пытливо глядя въ самыя глаза Катюшки, продолжалъ выпрашивать Штурмовъ.

— По четырнадцать копѣекъ, какъ всегда!

— Врешь, миленькая, врешь!—снова бѣшенно завопилъ онъ,—по двѣнадцати купила, два фунта по двѣнадцати, четыре копѣйки затаила. Отдавай ихъ, что-ли сейчасъ!—неистовствовалъ старый ростовщикъ.

— Нѣту у меня четырехъ копѣекъ вашихъ. Ей-Богу-же, нѣту... взмолилась совсѣмъ уже испуганная Катюшка,—не брала я ничего у васъ!—прорыдала она.

— Не вѣрю! Всѣ то вы такія... воровки, прости Господи. Ну, ладно, коли добромъ не отдашь—изъ жалованья вычту!—пришелъ къ неожиданному рѣшенію Штурмовъ.

— Ахъ, что хотите дѣлайте, оставьте только меня въ покоѣ!—устало выговорила Катюшка и принялась одѣвать дѣтей.

Это была далеко не легкая задача, повторявшаяся каждый день. Лева и Митя вырывались изъ рукъ своей молоденькой няньки, бросались подушками другъ въ друга, дрыгали ногами, визжали и ревѣли изъ-за всякаго пустяка. Наконецъ удалось таки ихъ одѣть и вывести на прогулку.

Тутъ начиналась новая пытка для Катюшки.

Илья Исаевичъ, до безумія любившій своихъ внуковъ-сиротъ, изъ боязни разныхъ дѣтскихъ болѣзней, могущихъ перейти отъ другихъ ребятъ, разъ навсегда запретилъ ихъ молоденькой нянькѣ водить въ скверы и городскіе сады. Приходилось ходить по улицамъ, гдѣ негдѣ было присѣсть и отдохнуть немного. Мальчики хныками, уставали. Надо было брать ихъ на руки и нести. Катюшкѣ, находившейся съ пяти часовъ на ногахъ и уже сдѣлавшей огромный ку-

сокъ на рынокъ и обратно, это было положительно не подъ силу. Она всячески отпѣкивалась, но тутъ начинались новые слезы и крики. А дома, по возвращеніи, новая брань, а подчасъ и незаслуженные, горькіе тумакі.

Обѣдали въ два. И горе молоденькой стряпухѣ, если что-либо подгорало изъ незатѣйливыхъ кушаній, сготовленныхъ на обѣдъ! Въ такихъ случаяхъ Штурмовъ былъ неумолимъ: трепалъ за уши и за косу Катюшку и грозилъ пожаловаться на нее въ полицію за то, что она обворовываетъ его.

Послѣ обѣда надо было мыть посуду, убирать комнату и занимать мальчугановъ.

Цѣлый день приходилось къ тому же впускать и выпускать кліентовъ, приходившихъ со своими залогами къ ростовщику.

Въ семь часовъ вечера ставился самоваръ, Катюшка поила всѣхъ чаемъ, потомъ около девяти согрѣвала ужинъ и укладывала мальчиковъ спать.

Но сама не ложилась. Илья Исаевичъ награждалъ ее новой работой въ то время, какъ онъ самъ и его внуки сладко похрапывали на своихъ постеляхъ. Катюшка же не ложилась до тѣхъ поръ, пока не перемывала, не перечищала и не перечинивала всѣхъ вещей, принесенныхъ кліентами за день.

И только въ первомъ часу ложилась дѣвочка, пославъ себѣ на полу кухни незатѣйливую постель.

Но несмотря на страшную усталость, она не могла заснуть сразу. Недавнее, свѣтлое прошлое ея счастливой жизни у графини представало снова воочію въ памяти Катюши. Она горько плакала. Ей казалось, что не вырваться ей никогда изъ этой ужасной квартирки, заставленной какъ складъ, на новую, болѣе легкую жизнь.

Она не знала ни города, ни людей и никогда не съумѣла-бы найти себѣ одна другого мѣста..

Поневоль приходилось терпѣть. И Катюшка терпѣла, только темная ночь, да мокрая отъ слезъ подушка знала всю муку и сердечную тоску бѣдной, одинокой дѣвочки.

IX.

— Илья Исаевичъ, а Илья Исаевичъ! Пожди малость... Самую крохотку пожди... Вотъ тебѣ Христось, на той недѣлѣ заплачу... Какъ Богъ Святъ, внесу проценты! Будь отцомъ роднымъ, милостивецъ! Не губи...

— Ладно! Всѣ вы сиротами прикидываетесь. Знаю я васъ! Коли не заплатишь сейчасъ проценты—пропалъ твой тулупъ, такъ и знай, матушка!

— Милостивецъ! Не губи. Какже я по морозу то въ деревню поѣду, безъ тулупа-то. Сжалуйся, батюшка! Пожди малость! На той недѣлѣ въ аккуратѣ заплачу. Ей-Богу.

— Ладно! Молчи! Не канителиться же мнѣ съ тобою, пропала твоя шуба и баста,—проскрипѣлъ своимъ жестокимъ голосомъ Штурмовъ.

За стѣною въ тотъ же мигъ кто-то рухнулъ на колѣни и горько заплакалъ, всхлипывая.

Слезы женщины и брань Ильи Исаевича смѣшались...

Катюшка, чуть живая отъ волненія, сидѣла на лавкѣ въ кухнѣ и чутко прислушивалась къ тому, что происходило въ сосѣдней комнатѣ за стѣной. И изъ пустого любопытства прислушивалась Катюшка. Нѣтъ... Голосъ плачущей женщины показался ей до страннаго знакомымъ и далеко, далеко не чужимъ...

А женщина между тѣмъ была далека, повидимому, отъ мысли успокоиться и перестать плакать... По крайней мѣрѣ, жалобныя причитанія ея доносились все явственнѣе, все слышнѣй.

Катюшка не выдержала этого плача, этихъ прямо изъ души вылетающихъ рыданій и, какъ безумная, ринулась въ комнату.

Илья Исаичъ съ подергивающимся, что у него всегда случалось въ минуты гнѣва, лицомъ, стоялъ, обернувшись къ двери; женщина была на колѣняхъ передъ нимъ и горько плакала, содрогаясь отъ всхлипываній всѣмъ тѣломъ.

— Милостивецъ... пожди... На той недѣлѣ и тулупъ выкуплю и внесу... Ей Богу... Фабричная я... На фабрикѣ расчетъ будетъ дѣнь черезъ пять и тогда... — причитывалъ донельзя знакомый Катюшкѣ голосъ.

— Ты зачѣмъ сюда?—грубо встрѣтилъ Штурмовъ, испуганно притаившуюся на порогѣ дѣвочку.

На скрипъ отворившейся двери подняла голову и женщина... Взглянула на вошедшую залитыми слезами глазами, и громко, радостно вскричала:

— Катька! Катька! Ты ли это? Катенька!

— Тетенька Авдотья!—такимъ же радостнымъ крикомъ отозвалась Катюшка и обѣ кинулись въ объятія другъ друга.

Заговорили разомъ, наперерывъ, едва успѣвая слушать одна другую. Тетка Авдотья сразу повѣдала о томъ, что съ отъѣздомъ ея, Катьки, изъ дома, ей—Авдотѣ—не повезло въ деревнѣ, что стирку она потеряла на многихъ мѣстахъ и, волей неволъ пришлось перебраться въ городъ, поступить на фабрику, чтобы какъ нибудь прокормить себя.

Катя быстро и сбивчиво рассказывала теткѣ Авдотѣ длинную, печальную повѣсть о томъ, какъ хорошо ей было жить у графини, и какъ тяжело было у модистки-шляпницы, а совсѣмъ зарѣзъ у теперешняго хозяина. Обѣ, какъ Авдотья, такъ и Катя, точно и забыли объ этомъ хозяинѣ, увлекшись радостью встрѣчи.

А онъ между тѣмъ стоялъ, ехидно улыбаясь и слушалъ ихъ у дверей.

— Бьетъ, чай, тебя хозяинъ-то?—освѣдомилась Авдотья, обнимая Катю и усаживая ее на лавку около себя.

— Бьетъ!—тихо созналась та,—шибко бьетъ!

— Ишь ты извергъ... — такъ и всколыхнулась Авдотья, совершенно забывая о томъ, что и сама неразъ, подъ злую руку, бивала эту худенькую, блѣдную, синеглазую дѣвочку, эту кроткую, молчаливую сироту.

И Катя въ радостный мигъ счастливой встрѣчи совсѣмъ забыла про это.

Да и правду сказать, была тетка Авдотья рѣдко, а если и была, то за дѣло, и это помнила синеглазая Катя лучше всего.

— Ну, пойдѣмъ! — неожиданно произнесла Авдотья. — Одѣвайся, скорѣйча, милая, не слѣдь тебѣ здѣсь у кровопійцы оставаться—энергично заключила она.—Со мною пойдѣмъ!

— Какъ пойдѣмъ? Куда ты поведешь ее отъ насъ? Она у насъ служить, жалованье получаетъ, она прислуга наша!—такъ и подскочилъ со своимъ обычнымъ скрипѣніемъ Илья Исаевичъ къ теткѣ Авдотѣ.

Та только презрительно повела плечомъ: — Жалованье! Вона што выдумалъ. А велико ли жалованье—грошъ мѣдный, а колотушекъ на цѣлый рупь... знаю я тебя... — Пойдемъ отседова, Катька. Да по дорогѣ я въ полицію забѣгу, пожалуюсь, кому слѣдуетъ на мучителя твоего... — вдругъ неожиданно пригрозила женщина и такъ взглянула на Штурмова, что у того поджилки затряслись.

Илья Исаевичъ весь съежился, поблѣднѣлъ и робко приступилъ къ Авдотѣ:

— Слушай, глупая ты баба... Шутки ты моей, видно,

не поняла...—началь онъ сладенькимъ голосомъ.—Тулупъ-то я тебѣ припрячу до той недѣли, въ сохранности будетъ... принесешь деньги — обратно дамъ... А въ полицію зачѣмъ же?.. Брешетъ со зла на меня дѣвчонка... а ты того и повѣрила тоже... — залезилъ онъ, бросая робкіе взгляды на Авдотью.

— Ладно ужъ, не замазывай; а тулупъ сохрани, а не то... — и послѣдняя ожесточенно погрозила кулакомъ совершенно опѣшившему Штурмову.

Черезъ пять минутъ она была уже на улицѣ въ сопровожденіи Кати...

— Вотъ и привелъ Господь снова жить вмѣстѣ... — говорила она весело, ласково поглядывая на свою спутницу, — небось забыла меня въ богатствѣ да въ холѣ? Забыла? А? Катька!

— Нѣтъ, не забыла, тетенька, — поторопилась отвѣтить та. Я вамъ деньги въ деревню посылала, да онѣ назадъ возвращались къ графинѣ покойной, говорили въ почтамтѣ, что выбыли вы изъ деревни...—заключила она, довѣрчиво и ласково глядя на Авдотью своими ясными глазками.

— Выбыла и то, милая ты моя. Не въ могути мнѣ было оставаться тамъ одной, въ пустой избѣ-то! Ужъ я ругала себя, ругала за то, что пустила тебя къ господамъ въ услуженье. Вмѣстѣ тѣсно — врозь скучно. Небось вѣдь любила я тебя, Катька, привыкли была къ тебѣ сиротѣ, — новыми, теплыми, совершенно несвойственными ему, нотами зазвучалъ теперь ласковый голосъ Авдотьи.

Чѣмъ-то роднымъ и близкимъ повѣяло отъ этого добраго голоса и сердечнаго тона женщины, на изстрадавшееся сердечко Кати. И ее неудержимо потянуло назадъ, къ ея прошлому, къ далекой родной деревенькѣ, къ милой избушкѣ,

гдѣ провела она свое короткое дѣтство, не зная ни горя, ни заботъ...

И, прижавшись къ своей спутницѣ, Катя тихо чуть слышно шепнула:

— Поѣдемъ домой, тетенька, назадъ въ деревню. Что намъ тутъ-то дѣлать? А? А дома работать станемъ. Обѣ по стиркамъ ходить, огородъ разведемъ, коровушку купимъ. А? Тетенька? Ыдемъ домой? Да?

— Ыдемъ, милая, ѣдемъ! Дай получить расчетъ на фабрику—къ ряду и махнемъ...—весело отозвалась Авдотья и, тутъ же среди улицы, горячо и крѣпко обняла дѣвочку.

Сдержала свое слово тетка Авдотья. Получила расчетъ и ровно черезъ недѣлю тяжело громыхающій поѣздъ уже мчалъ ее съ Катькой къ роднымъ милымъ мѣстамъ, въ родную и милую прежнюю жизнь...

С п и ч к и.

Когда мнѣ было 11 лѣтъ и я былъ такимъ же любопытнымъ и любознательнымъ, какъ и вы, читатель, меня больше всего интересовали два вопроса: отчего свѣчка на вѣтру гаснетъ? и откуда взялись спички? Думалъ я надъ ними довольно долго и все-таки никакъ не могъ ни до чего додуматься.

И вотъ однажды, во время урока, въ гимназіи рѣшилъ я обратиться за разъясненіемъ къ преподавателю, не помню—латинскаго, не помню—ариѳметики. Подошелъ къ кафедрѣ, да и спрашиваю: Иванъ Федоровичъ, отчего свѣчка на вѣтру гаснетъ?

Посмотрѣлъ на меня Иванъ Федоровичъ черезъ очки, подумалъ немного, да и говоритъ: „Оттого, что ты дуракъ“, и поставилъ меня къ печкѣ носомъ. Весь классъ былъ очень доволенъ остроуміемъ учителя, а больше всѣхъ, кажется, онъ самъ.

Исторія со свѣчкой стала притчей во языцѣхъ и мнѣ съ ней не давали покоя почти два года. Но для меня это не было рѣшеніемъ вопроса, и я всячески старался разузнать то, что меня интересовало касательно спичекъ и свѣчки.

И узналъ. Оказывается, что спички вовсе не родились на свѣтъ прямо спичками, а явились послѣ долгой работы мысли цѣлыхъ поколѣній людей.

Оказалось, что такая несложная и простая вещь, какъ спичка, имѣетъ свою исторію, и появленіе ея на свѣтъ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи человѣческой культуры (развитія).

Употребленіе спички, какъ намъ извѣстно, есть способъ быстраго полученія огня.

Добываніе огня должно было интересовать людей, почти съ момента появленія ихъ на землѣ.

Первобытные люди отлично знали и понимали всѣ свойства и качества огня. Какимъ образомъ появился первый огонь на землѣ, сказать довольно трудно. Можно предположить, что онъ появился отъ дерева, зажженного молніей. Такимъ образомъ всѣ силы и стремленія первобытнаго человека должны были быть направлены къ сохраненію огня, явившагося въ видѣ благодати съ неба. И дѣйствительно, мы

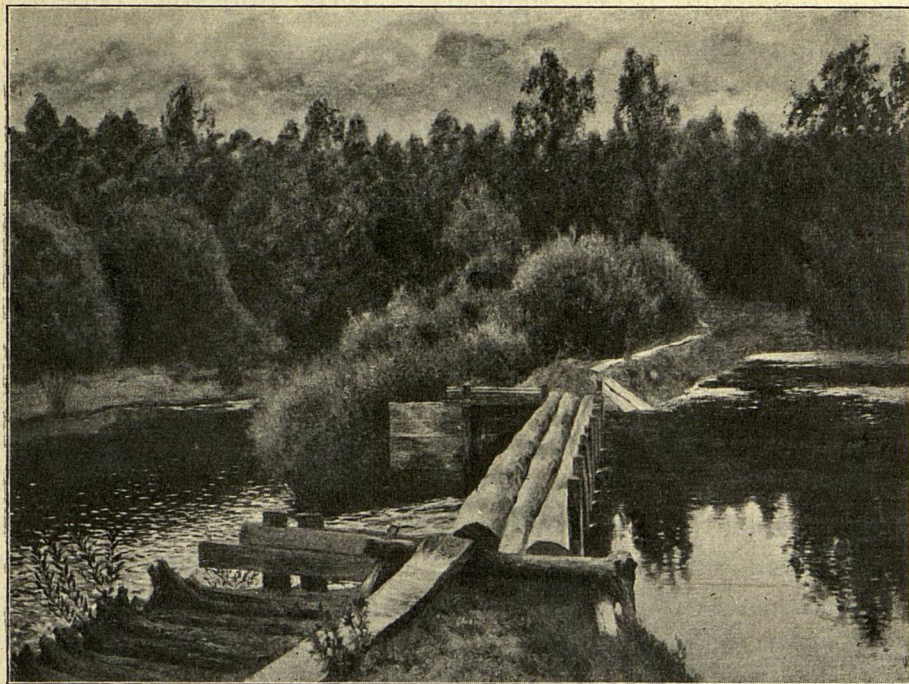

Свиданіе.

Картина В. Е. Маковского

Третьяковская Галлерей въ Москвѣ.

У Омута,

Карт. И. Левитана.

знаемъ, что хранилище огня у первобытнаго человѣка считалось священнымъ мѣстомъ.

Полученіе огня искусственнымъ путемъ—путемъ тренія одного куска дерева о другое—могло быть извѣстно человѣку уже въ болѣе позднее время. Но этотъ способъ добыванія огня очень труденъ и неудобенъ. Не говоря уже о томъ, что тереть дерево о дерево до появленія огня нужно довольно долго, само дерево должно обладать такой сухостью, какую можно получить лишь путемъ нагрѣванія его.

Несмотря на всѣ трудности такого способа добыванія огня, онъ былъ очевидно единственнымъ, и люди примѣняли

его много тысячъ лѣтъ. Лишь въ средніе вѣка историческаго времени былъ найденъ болѣе простой способъ: искру, полученную отъ удара куска стали о камень, заставляли падать на труть, или сухую губку и зажигать его. Вотъ тутъ-то впервые и появляется на свѣтъ спичка, но она служитъ здѣсь не для добыванія огня, а для переноса его съ мѣста на мѣсто. Тоненькій кусочекъ дерева съ одного конца покрывался сѣрой, какъ легко-воспламеняющимся веществомъ, и подносился къ огню.

Спичка моментально вспыхивала и огонь можно было легко переносить.

Въ позднѣйшее время, въ началѣ прошлаго столѣтія, въ Австріи, одинъ химикъ, дѣлая опыты съ фосфоромъ, замѣтилъ, что онъ легко воспламеняется отъ тренія.

Это навело его на мысль покрывать фосфоромъ кончики сѣрныхъ спичекъ, употреблявшихся ранѣе. Такимъ образомъ появились фосфорныя, или такъ называемыя, сѣрныя спички. Достаточно было потереть кончикъ такой спички обо чтонибудь шероховатое, чтобы фосфоръ вспыхнулъ и зажегъ бы сѣру, а потомъ и спичку. Сѣрныя спички, какъ средство добыванія огня, очень хороши, но вслѣдствіе сильной ядовитости фосфора они оказались очень опасными, какъ для публики, такъ еще больше для рабочихъ на спичечныхъ фабрикахъ. Продолжая работы съ фосфоромъ, люди замѣтили, что при сильномъ нагрѣваніи его въ котлѣ, онъ изъ желтаго переходитъ въ красный, и въ этомъ видѣ менѣе ядовитъ и не воспламеняется отъ тренія обо всѣ предметы. Красный фосфоръ загорается лишь при треніи о *нѣкоторыя* вещества.

Изобрѣтеніе краснаго фосфора и послужило началомъ изготовленія шведскихъ спичекъ, нынѣ благополучно здравствующихъ. Теперь фосфоромъ уже не покрываютъ самихъ

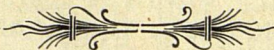

спичекъ, а только обмазываютъ бока коробки, сами же спички приготавливаются изъ смѣси бертолетовой соли, хромово-кислаго калия, сѣрнистаго свинца и перекиси свинца. При треніи шведской спички о край коробки красный фосфоръ даетъ искру, отъ которой и вспыхиваетъ головка спички.

Вотъ и все.

Такъ появились на свѣтъ спички, тѣ самыя спички, изъ которыхъ можно дѣлать столько интересныхъ и веселыхъ фокусовъ и задачъ. Но о нихъ, какъ и о гаснущей на вѣтру свѣчкѣ, въ слѣдующій разъ.

Н. Якубовскій.

Въ глубь вѣковъ

Таинственныя приключенія европейцевъ 100.000 лѣтъ тому назадъ.

П. Джунковскаго.

(Продолженіе).

— Длинный человѣкъ, отвѣчалъ тотъ, говорилъ мнѣ, что кожа на ихъ ногахъ очень плохая и что на ней нельзя ходить, а на головѣ у нихъ мало волосъ, и отъ солнца имъ очень больно. Отецъ и мать рассказчика съ большимъ сожалѣніемъ покачали головами, очевидно, вполне сочувствуя бѣдственному положенію европейцевъ.

— Да, продолжалъ снова юноша, это плохіе, очень плохіе люди, носами и ушами они слышатъ плохо, глазами видятъ тоже плохо; они три раза наступити бы на „большую змѣю“, если бы я не шелъ съ ними. Сами они не могутъ жить у насъ—ихъ въ одну ночь съѣдятъ звѣри. Всѣ эти подробности о пришельцахъ не только повергли мѣстныхъ жителей

въ крайнее изумленіе, но и вызвали въ нихъ чувство глубокаго состраданія къ столь обездоленнымъ существамъ, которыхъ такъ нуждались въ погоронней помощи. Послѣ живого обмѣна мнѣній по этому предмету, старшіе члены семьи очевидно пришли къ рѣшенію, какимъ именно образомъ могутъ они помочь нашимъ друзьямъ,—а оказать имъ помощь они, какъ видно, считали просто чѣмъ то вродѣ долга или обязанности, такъ какъ вопросъ объ этомъ даже и не поднимался.

Поэтому, когда проголодавшіеся путешественники, кое какъ утолили свой голодъ, отецъ семьи снова подошелъ къ нимъ и объявилъ, что теперь всѣмъ необходимо приняться за приготовленіе къ ночлегу, такъ какъ солнце начало уже спускаться къ западу и до вечера оставалось уже недалеко.

Ночлегъ, по его проекту, долженъ былъ быть устроенъ на деревѣ, сосѣднемъ съ ихъ собственнымъ, для чего на его вѣтвяхъ надлежало устроить помостъ, или платформу. Нечего и говорить, что со стороны Іогана предложеніе это вызвало взрывъ негодованія, который однако мало-помалу утихалъ по мѣрѣ того, какъ мѣстные жители знакомили его съ названіями тѣхъ чудовищъ, которыя по ночамъ имѣли непріятное обыкновеніе разгуливать у корней этихъ деревьевъ-великановъ. Перечень этотъ далеко еще не былъ оконченъ, когда всемірный гастрономъ, какъ называлъ его Курцъ, замѣтилъ, что тратить времени попусту нечего и что къ постройкѣ этой площадки необходимо приступить какъ можно скорѣе.

Такимъ образомъ работа подъ руководствомъ главы семейства, какъ говорится, закипѣла и еще за полъ-часа до захода солнца на ближайшемъ деревѣ уже была готова довольно обширная площадка, сплетенная частью изъ вѣтвей того же дерева, частью изъ другихъ палокъ и прутьевъ.

Сверху это нехитрое ложе было устлано толстымъ слоемъ мягкаго мха, въ который можно было зарыться для защиты отъ утренней свѣжести. Въ устройствѣ этой воздушной постели принимало участіе все общество, не исключая даже дѣтей, которыя съ большимъ интересомъ помогали переносить и подымать на дерево необходимый матеріалъ.

Усталые и непривычные къ такой работѣ, друзья наши оказывали въ ней лишь очень сомнительную помощь своимъ хозяевамъ, почему еще больше уронили въ ихъ глазахъ свое человѣческое достоинство.

Наконецъ всѣ приготовленія были окончены и завершены всеобщимъ ужиномъ, который какъ и обѣдъ состоялъ, конечно, изъ тѣхъ же плодовъ, а послѣ ужина хозяева предложили всѣмъ немедленно же отправляться на покой, такъ какъ солнце уже скрылось и короткіе тропическіе сумерки готовы были смѣниться быстро надвигавшейся ночью.

Ганцъ и Бруно помогли Югану и дядѣ Карлу кое какъ взобраться на ихъ помость, гдѣ, утомленные событіями этого дня, его волненіями, непривычнымъ костюмомъ и работой, европейцы наши поспѣшили зарыться въ мохъ.

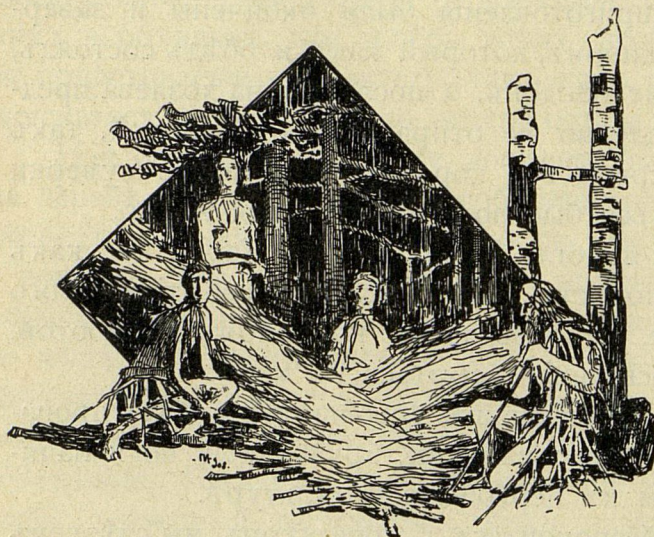
— Ну вотъ мы и устроились! довольнымъ тономъ произнесъ профессоръ, не знаю какъ вы, друзья мои, но я начинаю приспособляться къ первобытной культурѣ.

— Не извольте беспокоиться, г. профессоръ, мы слѣдуемъ за вами; съ завтрашняго дня я начинаю учиться каркать по вороньему, что въ этомъ гнѣздѣ будетъ приличнѣе нѣмецкой рѣчи...

Вѣроятно, въ другое время эта фраза была бы началомъ безконечнаго пререканія, но теперь разговоръ на ней и оборвался. Усталость взяла свое. Всѣ умолкли, чувствуя пріятную истому отдыхающаго тѣла и всѣмъ существомъ отдаваясь сладостному отдохновенію, а черезъ двѣ-три ми-

нуты всѣ четверо спали уже глубокимъ сномъ, которымъ закончился этотъ первый день, проведенный ими среди первобытныхъ людей. И чтобы не ожидало ихъ впереди, въ этой таинственной области минувшаго, но сейчасъ къ нимъ слетѣлъ тихій и глубокій сонъ, и своею властью, властью великаго утѣшителя всего живущаго, отогналъ отъ ихъ мыслей всѣ тревоги, и всѣ заботы.

ГЛАВА V.

Корзины Ганца и Бруно. Допо- топный выст- рѣлъ.

а другой день европейцы проснулись довольно поздно, и почувствовали себя со-

вершенно разбитыми. Ихъ кожа, обожженная солнцемъ и горячимъ вѣтромъ, нестерпимо горѣла; всѣ члены ныли, словно послѣ долгой болѣзни.

Съ большимъ трудомъ спустившись съ дерева, они нашли мѣстныхъ жителей давно уже вставшими. Трое дѣтей весело плескались въ рѣчкѣ, тогда какъ трое старшихъ хлопотали надъ сооруженіемъ новой корзины. Плели они ее безъ всякой системы, какъ придется, скрѣпляя между собою

неровные и сучковатые прутья, и при этомъ укладка каждаго изъ нихъ представляла для этихъ людей совершенно самостоятельную и подчасъ не легкую задачу.

Гостей своихъ они встрѣтили очень радушно и сейчасъ же замѣтили ихъ болѣзненное состояніе, которое и было причиной того, что предположенная на сегодня экскурсія за плодами была отложена назавтра.

— Идите купаться, — вамъ будетъ лучше, посовѣтываль имъ юноша.

— А потомъ поѣшьте плодовъ, они стоятъ вотъ тамъ, подъ деревомъ, ласково прибавила хозяйка, съ необыкновеннымъ сожалѣніемъ глядя на жалкія фигуры путешественниковъ.

Послѣдовавъ этимъ заботливымъ совѣтамъ, дядя Карлъ и его спутники дѣйствительно почувствовали себя значительно лучше, такъ что къ концу завтрака у нихъ завязалась даже довольно оживленная бесѣда.

— Знаете ли, господа, сказалъ Бруно, мнѣ почему то кажется, что, хотя наши хозяева и признали въ насъ людей, но мы всетаки кажемся для нихъ, вѣроятно, такими же непонятными существами, какими для американцевъ казались Колумбъ и его сподвижники.

— Очень жаль только, что для полнаго нашего сходства съ этими почтенными мереплавателями, мы не имѣемъ ни одежды, ни оружія, ни пищи, замѣтилъ Іоганъ, мрачно поглядывая на содержимое корзины. Теперь я вѣрю вамъ, г. профессоръ, что допотопный человѣкъ былъ не болѣе не менѣе, какъ травоядное животное, жилъ въ гнѣздахъ, едва умѣлъ связать нѣсколько словъ, не зналъ даже того, что дѣлалось чуть не передъ самымъ его носомъ и ужъ конечно не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о кухнѣ, что на мой взглядъ, даже лишаетъ его права называться человѣкомъ, и

я увѣренъ, что это и не люди, а просто особая порода обезьянъ.

— Любезнѣйшій мой магистръ гастрономіи и кулинаріи,— строптиво возразилъ г. Курцъ,—я никогда не позволяю себѣ совать свой носъ въ ваши кастрюли съ соусомъ, а потому предлагаю и вамъ не болтать вздора о доисторическомъ человѣкѣ, достоинства котораго вы, конечно, не можете ни понять, ни оцѣнить; я же, Курцъ, профессоръ археологіи заявляю вамъ, что мы имѣемъ случай наблюдать настоящаго, слышите ли, настоящаго человѣка.

— Очень можетъ быть; я только боюсь какъ бы этотъ настоящій человѣкъ на какой нибудь зеленой лужайкѣ не принялся бы мирно пощипывать сочную травку, предварительно опустившись, конечно, начетвереньки.

— Стыдитесь, Іоганъ,—наставительно возразилъ Курцъ,—вѣдь все это вы говорите только потому, что эти люди не могутъ угостить васъ мяснымъ блюдомъ. Стыдитесь, не позволяйте желудку убить въ васъ человѣка!

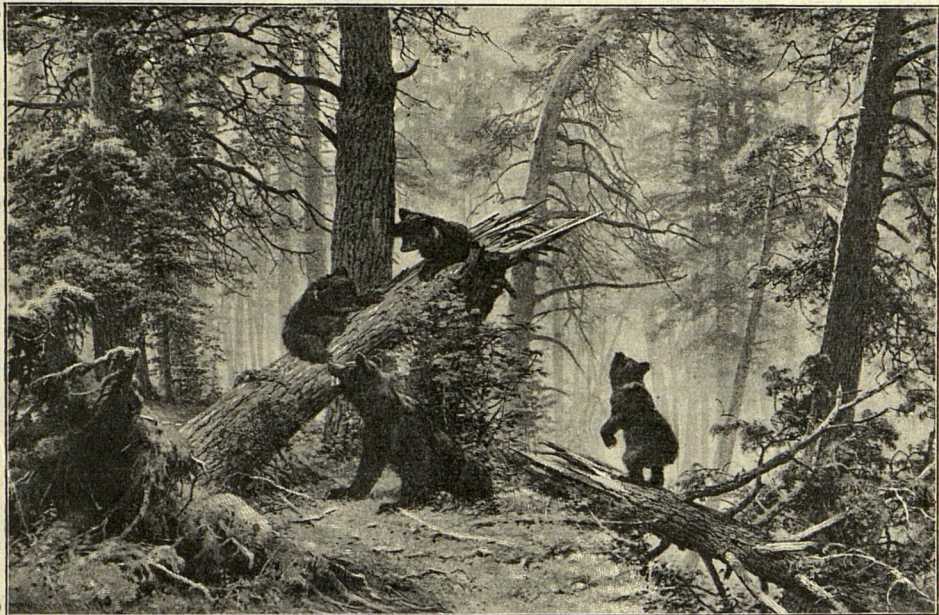
— Посмотрите внимательно на этихъ людей. Развѣ не обладаютъ они всѣми качествами присущими человѣку? Вотъ вамъ семья, вотъ мужъ и жена, развѣ они не привязаны другъ къ другу, развѣ не любятъ и не ласкаютъ своихъ дѣтей, какъ и цивилизованный человѣкъ.

— Извините мою смѣлость, г. профессоръ,—прервалъ его Іоганъ,—но я рискну замѣтить вамъ, что слонъ, лошадь, волкъ, да вѣроятно и всѣ животныя вообще, такъ же точно любятъ своихъ подругъ, своихъ дѣтей и свои семьи. И знаете ли что я вамъ скажу,—помоему такъ все это даже совсѣмъ и не человѣческія качества, потому что, по правдѣ сказать, въ наше время ими только хвастаются, а на дѣлѣ мало кто изъ людей имѣетъ ихъ въ наличности.

Это неожиданное замѣчаніе Іогана такъ поразило Курца

Третьяковская Галлерейя въ Москвѣ.

Семья медвѣдей.

Карт. И. Шишкина.

нѣкоторой долей справедливости, что онъ, вѣроятно впервые, не нашелъ бы съ достаточной быстротой надлежащаго возраженія, если бы на помощь ему не подоспѣлъ Бруно.

— Э, нѣтъ,—возразилъ онъ,—все это нѣсколько иначе, чѣмъ вы думаете. Ваши волки, лошади и слоны, конечно, никогда не оказали бы намъ помощи въ нашемъ затруднительномъ положеніи, они никогда не были бы для насъ такими радушными и предупредительными хозяевами, они не стали бы дѣлиться съ нами своими съѣстными припасами; нѣтъ, нѣтъ вы несправедливы къ этимъ существамъ. Единственно чего я не стану оспаривать, такъ это пожалуй того, что люди эти много нравственнѣе, чѣмъ ихъ современные намъ помки.

— Что вы, что вы, Бруно, да вѣдь я и не думалъ утверждать что либо подобное,—воскликнулъ удивленный Іоганъ.

— Напротивъ, дорогой Іоганъ, мы говорили именно это. Подумайте, развѣ привязанность къ дѣтямъ и къ семьѣ, любовь къ себѣ подобнымъ, прямота и простосердечіе не есть лучшія изъ человѣческихъ достоинствъ! А вѣдь вы сами говорили, что люди эти дѣйствительно обладаютъ всѣми этими достоинствами, тогда какъ у насъ эти качества существуютъ главнымъ образомъ только въ литературѣ. Да, да въ этомъ отношеніи я не только поддерживаю вашу мысль, но иду пожалуй еще дальше,—я утверждаю, что люди эти не только лучше и нравственнѣе современныхъ намъ, но даже и счастливѣе ихъ.

— Ну ужъ, это ты, дружокъ, кажется, перехватилъ,—съ большимъ сомнѣніемъ замѣтилъ г. Курцъ,—конечно вопросъ о счастьи—весьма туманенъ, ну, а что касается умственного развитія, промышленности, техники, наукъ, искусствъ... вообще всего того, что мы понимаемъ подъ словомъ „прогрессъ“, такъ ужъ тутъ пожалуй и слѣпой увидить, какъ далеко за собой оставила наша цивилизація это жалкое прозябаніе.

— Да, да, и вмѣстѣ со всѣми благами эта же цивилизація лишила насъ здоровья, почти искалѣчивъ нашъ организмъ. Посмотри, развѣ мы такъ видимъ, слышимъ и обоняемъ какъ эти люди; развѣ мы хоть вполонину такъ здоровы и выносливы,—какъ они! Посмотри-ка на нихъ внимательно,—какъ довольны, какъ счастливы они; укажи же теперь мнѣ хоть десятокъ изъ нашихъ нюренбергцевъ, который хотя бы вполонину чувствовалъ такое полное довольство жизнью, какъ то, которое мы теперь видимъ... Я не знаю, что такое счастье, но теперь вижу и знаю, что такое счастливые люди, какъ раньше у себя видѣлъ и зналъ, что такое несчастные.

— Позвольте, господа, — вмѣшался Ганцъ, — всѣ эти споры дѣлають большую честь вашей наблюдательности, хотя всѣ вы очевидно расходитесь во мнѣніяхъ; однако я рассчитываю всѣхъ васъ помирить на одномъ желаніи: какъ можно скорѣе пробраться въ свою собственную цивилизацію, какъ бы плоха она ни была, потому что какъ въ гостяхъ ни хорошо, а дома, говорятъ, лучше; въ Нюренбергѣ, или даже въ Мадрасѣ я, если хотите, самъ напому вамъ на чемъ вы остановились въ вашемъ спорѣ, а теперь предлагаю вамъ выслушать кое-какія соображенія по поводу нашего положенія.

Теперь для насъ окончательно выяснилось, что переплывать рѣку было бы очень рисковано, значитъ, намъ остается два выхода: или обойти ее до водопада, или же построить плотъ, на которомъ можно было бы безопасно переправиться на тотъ берегъ. Тотъ и другой планъ помоему потребууетъ не менѣе двухъ недѣль для своего осуществленія. Лично я склоненъ остановиться на устройствѣ плота или лодки, потому что двухнедѣльная прогулка по здѣшнимъ дебрямъ мнѣ не особенно нравится, но во всякомъ случаѣ я хотѣлъ бы знать ваше мнѣніе по этому поводу.

Правильность соображеній Ганца была слишкомъ очевидна, а потому, на общемъ совѣтѣ было рѣшено приступить къ сооруженію плота или лодки.

— Ну, а теперь, господа, — продолжалъ Ганцъ, — намъ слѣдуетъ облегчить нашимъ привѣтливымъ хозяевамъ тѣ хлопоты, которыя мы причинили имъ нашимъ посѣщеніемъ.

Присоединившись къ туземцамъ, наши европейцы были очень тронуты, узнавъ, что корзина, надъ которой тѣ трудились цѣлое утро, предназначалась для нихъ на завтрашній день, когда всѣмъ предстояло идти за возобновленіемъ запаса плодовъ.

Конечно Гансъ и Бруно сейчасъ же предложили свою

помощь. Предложеніе это было принято туземцами хотя и съ большимъ сомнѣніемъ, но тѣмъ не менѣе юноша очень охотно отправился вмѣстѣ съ братьями, чтобы помочь имъ при отысканіи подходящаго матеріала. Іоганъ также присоединился къ нимъ, тогда какъ г. Курцъ остался съ хозяевами, съ которыми и завелъ безконечный разговоръ.

Шагахъ въ трехстахъ отъ хижины юноша указалъ братьямъ на какой то кустъ и сказалъ:

— Вотъ изъ этого мы дѣлаемъ свои корзины.

Однако, къ немалому его удивленію, Ганцъ, оглядѣвшись кругомъ, остановилъ свой выборъ не на указанномъ кустѣ, побѣги котораго, хотя и отличались прочностью и гибкостью, но въ то же время были очень неровны и для корзиночнаго дѣла, конечно, не годились.

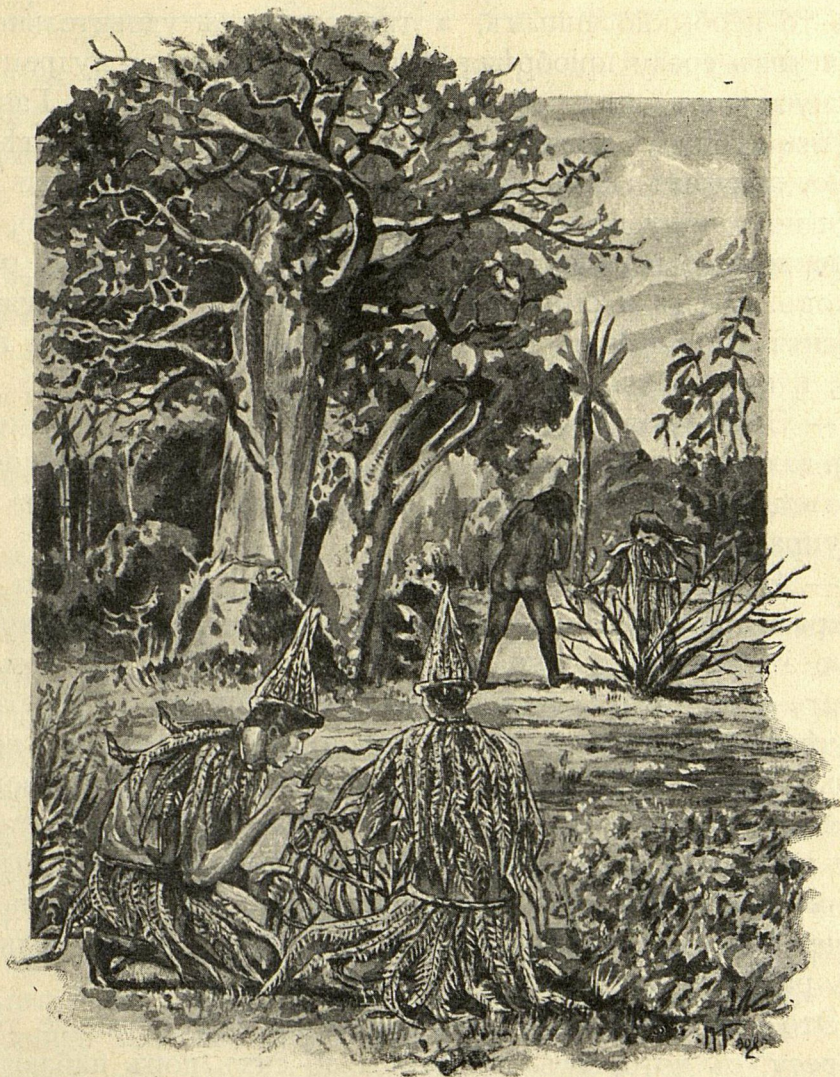
— Мы попробуемъ плести корзины вотъ изъ этого,— сказалъ онъ, сламывая стебель какого-то ползучаго растенія.

Дѣйствительно, оказалось, что сочная кора растенія весьма легко отдѣлялась во всю длину, оставляя длинный, гибкій и совершенно ровный пруть, отличавшійся къ тому же поразительной прочностью и далеко превосходящій своими достоинствами не только матеріалъ, употребляемый мѣстными жителями, но даже и нашу, корзиночную лозу.

Обрадованные такой удачной находкой, братья поручили очистку матеріала Іогану и молодому туземцу, который, кстати сказать, немало удивлялся ихъ пріемамъ въ работѣ, а сами принялись за плетеніе.

По мѣрѣ того, какъ работа ихъ подвигалась впередъ удивленіе и восторгъ туземца принимали все большіе и большіе размѣры; черезъ часъ передъ пораженнымъ помощникомъ ихъ стояли двѣ глубокія корзины съ ручками, при помощи которыхъ ихъ можно было носить вдвоемъ. Когда же онѣ были принесены и показаны всѣмъ остальнымъ, то въ-

роятно въ Англіи съ меньшимъ удивленіемъ смотрѣли на первый паровозъ Стефенсона, чѣмъ здѣсь на эти первыя, правильно сплетенныя, корзины. Какъ ни плохо были сдѣ-

ланы эти вещи, онѣ все-таки казались людямъ того времени чѣмъ то необыкновеннымъ, а творцы столь удивительныхъ предметовъ сразу пріобрѣли въ ихъ глазахъ славу мудрецовъ и искусниковъ, въ особенности, послѣ того, какъ Ганцъ, продѣвъ дубинку хозяина въ ручки корзинки, вмѣстѣ съ Бруно, показалъ, какъ можно носить въ ней различныя тяжести не одному человѣку, а двоимъ. Этотъ, очевидно, совершенно еще невѣдомый здѣсь пріемъ, вызвалъ цѣлый рядъ опытовъ. Отецъ и сынъ на всѣ лады пробовали нагружать и носить эти корзины и вдвоемъ, и по одиночкѣ, и на плечахъ, и на головѣ, и просто въ рукахъ.

— Забавляются совершенно такъ же, какъ дѣти, которыми дали новую игрушку,—съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ замѣтилъ Іоганъ, снисходительнымъ окомъ глядѣвшій на всѣ эти упражненія.

— Я уже, любезнѣйшій, совѣтывалъ вамъ однажды воздержаться отъ вашихъ скороспѣлыхъ выводовъ, а теперь дѣлаю это вторично. Все это вовсе не такъ просто, какъ вы думаете и для этихъ людей дѣло идетъ не о дѣтской забавѣ, а о цѣломъ открытіи новаго пріема въ работѣ. До сихъ поръ каждый изъ нихъ работалъ порознь, пользуясь только своими силами, слѣдовательно и результаты получалъ всегда такіе, какіе достижимы для одного человѣка; теперь же, благодаря нашимъ корзинамъ, они начинаютъ догадываться, что иногда два человѣка, соединивъ свои усилія, могутъ сдѣлать больше, чѣмъ работая отдѣльно.

Это замѣчаніе дало совершенно иное направленіе тому интересу, съ которымъ европейцы до сихъ поръ наблюдали за возней ихъ хозяевъ съ корзинами и скоро они, къ немалому своему изумленію, пришли къ заключенію, что дядя Карлъ совершенно правъ, такъ какъ всѣ пробы и опыты носили вполнѣ систематическій характеръ и, внимательно

слѣдя за ними, наши друзья, правду сказать, впервые сами убѣдились въ той истинѣ, которую только что провозгласилъ профессоръ Курцъ. На этотъ разъ они сами были поражены тѣмъ умѣніемъ, съ которымъ эти простые люди такъ подробно изучали, показанное имъ новое приспособленіе и опредѣляли ту выгоду, которая могла быть достигнута при его посредствѣ.

— Знаешь ли что Ганцъ, — сказалъ Бруно, — эти люди такъ трогательно восхищаются произведеніемъ нашего искусства, что намъ остается не пожалѣть нашихъ трудовъ и приподнести имъ въ подарокъ парочку такихъ же корзинокъ.

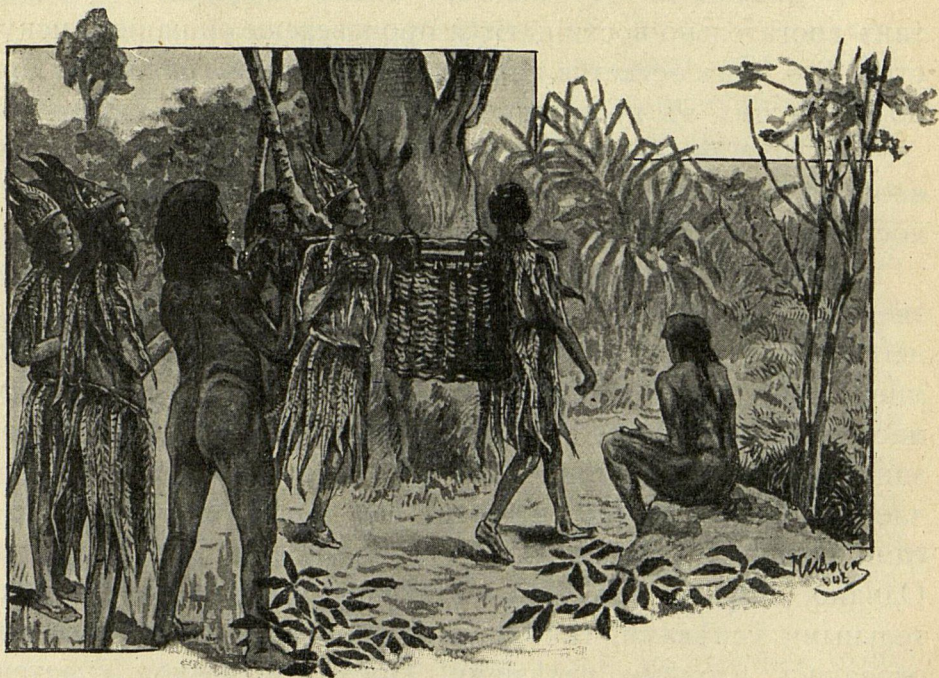
— Конечно, — согласился Ганцъ, — тѣмъ болѣе, что намъ необходимо хотъ чѣмъ-нибудь выразить имъ свою благодарность за ихъ заботливое гостепріимство.

Когда Бруно сообщилъ объ этомъ рѣшеніи своимъ хозяевамъ, оно вызвало съ ихъ стороны цѣлый взрывъ самаго неподдѣльнаго восторга. Въ какія-нибудь десять, пятнадцать минутъ вся семья общими усиліями заготовила для нашихъ мастеровъ матеріала, по крайней мѣрѣ, на полдюжины корзинъ, а когда они принялись за работу, то трое старшихъ членовъ семьи съ необыкновеннымъ терпѣніемъ старались и сами перенять у пришельцевъ это необычайное искусство. Однако, старанія эти были вознаграждены лишь очень сомнительными успѣхами, такъ какъ корзины ихъ работы все-таки оказались плохими издѣліями. Послѣдовательное сплетеніе прутьевъ, ихъ правильное распредѣленіе и вообще систематичность работы, очевидно, давались первобытному человѣку лишь съ величайшимъ трудомъ. Зато туземцы были чрезвычайно довольны, получивъ корзинки работы Бруно и Ганца. Они долго осматривали свои подарки и любовались ими, бросая по временамъ на европейцевъ взгляды, исполненные такой глубокой и такъ ясно выраженной благодарности, что

это привело, наконецъ, дядю Карла къ очень любопытному открытію.

— Друзья мои, — воскликнулъ онъ, — замѣчаете ли вы, что чувство благодарности выражается здѣсь просто при помощи взглядовъ. Такъ вотъ значитъ почему я до сихъ поръ совершенно напрасно искалъ въ мѣсномъ нарѣчій словъ, которыми уже много разъ хотѣлъ поблагодарить нашихъ

хозяевъ за ихъ радушіе, — теперь для меня ясно, что въ этомъ языкѣ такихъ словъ вовсе не существуетъ.

— И правду сказать, — замѣтилъ Бруно, — я не вижу въ этомъ большого ущерба. Здѣсь мы и безъ словъ видимъ, какъ глубоко эти люди чувствуютъ благодарность, ну а въ Европѣ, правду сказать, самая трогательная благодарственная

рѣчь не можетъ убѣдить меня въ томъ, что въ душѣ оратора дѣйствительно живетъ то чувство, о которомъ онъ такъ краснорѣчиво говорить.

— Дорогой Бруно, — прервалъ молодого человѣка Іоганъ, — не можете ли вы на нѣкоторое время отложить ваши хвалебные гимны этимъ травоядамъ, такъ какъ въ настоящую минуту они садятся за свой вегетаріанскій обѣдъ, а здѣсь, какъ вы и сами знаете, къ столу не приглашаютъ, а я чувствую настоятельную потребность хоть чѣмъ-нибудь наполнить свой желудокъ.

Дѣйствительно, покончивъ съ разсматриваніемъ полученныхъ подарковъ, туземцы усѣлись уже вокругъ корзины съ провизіей, а потому наши путешественники по совѣту Іогана, безъ дальнѣйшей церемоніи поспѣшили присоединиться къ нимъ, что не только не вызвало со стороны хозяевъ какого-либо неодобрѣнія, а наоборотъ было принято за самый естественный поступокъ.

Съ тяжелымъ вздохомъ опустилъ Іоганъ руку въ глубокую корзину и къ удивленію своему вытащилъ оттуда кусокъ какого-то корня около фута длиною, а толщиною въ обыкновенную свѣчу. Съ болѣзненно-грустной улыбкой глядѣлъ онъ на это „блюдо“ и, наконецъ, обратившись къ хозяину спросилъ:

— А что, это дерево тоже можно ѣсть?

— Да да, — успокоительнымъ тономъ отвѣчалъ тотъ, — можно, нужно только снять кожу. Бѣдный Іоганъ ничего не возразилъ на это объясненіе и съ покорностью мученика принялся ошипывать тонкую кожу растенія.

— Ну, что Іоганъ, каково это на вкусъ, — улыбаясь спросилъ Ганцъ.

— Дорогой Ганцъ, — отвѣчалъ тотъ, — это напоминаетъ нѣчто среднее между брюквой и капустной кочерыжкой; въ

бѣломъ сладкомъ соусѣ это было бы пожалуй не дурно, но въ сыромъ видѣ... для цивилизованнаго... а впрочемъ, Бруно, обратился онъ къ молодому человѣку, который, въ это время, наклонивъ корзинку, отыскивалъ что-нибудь для себя, а впрочемъ, поищите-ка мнѣ еще одну такую палку...

Послѣ обѣда хозяева снова обратили вниманіе на состояніе здоровья своихъ гостей и посовѣтывали имъ отдохнуть. Дѣйствительно, Курцъ, Бруно и особенно Іоганъ, хотя и оправились немного, но все же чувствовали себя плохо, а потому рѣшили сейчасъ же послѣдовать совѣту заботливаго хозяина. Расположившись въ тѣни дерева, они на половину зарылись въ песокъ и скоро уснули, оберегаемые хозяиномъ и его старшимъ сыномъ, которые, устѣвшись шагахъ въ десяти отъ нихъ съ новымъ интересомъ принялись разсматривать диковенныя корзины.

Ганцъ, чувствовавшій себя значительно лучше другихъ, не пошелъ спать и остался съ хозяйкой и дѣтьми, которыя, со всѣхъ сторонъ окруживъ мать, просили, чтобы она рассказала имъ о томъ, „что было прежде“. По тону ихъ усиленной просьбы Ганцъ понялъ, что это была одна изъ ихъ любимыхъ сказокъ, а потому и самъ не прочь былъ послушать ее, зная какъ потомъ обрадуется ей дядя Карлъ.

— Ну хорошо, хорошо,—ласково отвѣчала мать, сдаваясь на упрасиванія дѣтей,—садитесь и слушайте. Дѣтишки мгновенно успокоились, мальчики помѣстились у нея съ боковъ, а дѣвочка пріютилась на колѣняхъ матери, гдѣ улеглась въ очень удобной позѣ. Такимъ образомъ приготовились они насладиться тѣмъ самымъ удовольствіемъ, которое сто тысячъ лѣтъ послѣ нихъ испытываютъ дѣти и нашихъ временъ, когда могущественная фея-фантазія преподымаетъ передъ ихъ широко раскрытыми глазенками таинственную завѣсу, за которой скрывается сіяющій, волшебный и очаровательный

міръ,—міръ чудесъ и подвиговъ, страшныхъ злодѣйствъ и необычайной добродѣтели, однимъ словомъ—міръ, въ которомъ есть все, кромѣ обыденной жизни и обыкновеннаго человѣка...

— Ну, дѣти, слушайте! Расскажу я вамъ какъ въ этомъ самомъ лѣсу, въ которомъ живемъ теперь мы,—жили когда-то другіе люди! Тогда были они не такіе маленькіе какъ мы, а большіе, большіе,—такіе большіе какъ вашъ отецъ да еще и вашъ братъ! Однимъ ударомъ камня могли они убивать тѣхъ „большихъ чудовищъ“, которыя жили тогда въ здѣшнихъ рѣкахъ, и у которыхъ было такое тѣло, что въ немъ мы могли бы сдѣлать себѣ жилище, а шея на этомъ тѣлѣ была такая какъ нашъ большой змѣй, только голова на этой шеѣ была еще страшнѣе,—глаза еще злѣе,—зубы еще острѣе...

Охъ, дѣти, дѣти! какія страшныя были эти чудовища! Они убивали большихъ людей и ѣли ихъ такъ, какъ мы ѣдимъ наши плоды... Да, теперь нѣтъ уже здѣсь ни такихъ людей, ни такихъ чудовищъ. Они ушли изъ нашихъ лѣсовъ далеко въ разныя стороны, и вотъ какъ это случилось.

Одинъ разъ, собрались всѣ чудовища, для того чтобы сразу убить всѣхъ людей, которые всегда мѣшали имъ жить. Пришли съ ними и другіе страшные звѣри,—такіе,—какіе теперь тоже не живутъ уже здѣсь; пришли и птицы, у которыхъ крыло было больше вашего брата; пришли змѣи, такія длинныя, какъ поваленное ураганомъ дерево. Всѣ они пришли,—чтобы убить людей, которые всегда убивали ихъ, такъ же какъ и мы всегда убиваемъ нашихъ чудовищъ. Но люди узнали объ этомъ. Они тоже собрались всѣ вмѣстѣ. Вотъ потому-то и была тогда по всему нашему лѣсу кровавая, долгая битва.

Охъ, дѣти, какъ долго бились тогда враги и какъ тогда было страшно!

Бой уже начался, когда солнце вышло на небо, а окончился онъ только тогда, когда солнце ушло за высокія горы. И вотъ ночью испугались чудовища людской силы и въ темнотѣ, когда ничего не было видно, они оставили здѣсь своихъ убитыхъ, и потихоньку ушли далеко, далеко вонъ въ ту сторону. Но и люди тоже испугались чудовищъ. Они тоже оставили здѣсь своихъ убитыхъ и ушли далеко, далеко въ другую сторону: Съ того дня и тѣ и другіе боятся придти сюда и живутъ далеко отсюда, въ разныхъ сторонахъ земли. Такъ и нѣтъ теперь здѣсь большихъ людей и большихъ чудовищъ, только въ землѣ лежатъ здѣсь ихъ кости, которыя можетъ видѣть всякій человѣкъ, если онъ...

Поднявшись порывистымъ движеніемъ съ колѣнъ матери, дѣвочка вдругъ прервала ее разсказъ. Въ глазахъ ребенка свѣтилось какое-то безпокойство; она нервно поводила своей головкой, ноздри ея раздулись и она, какъ маленькій звѣрекъ, безпокойно втягивала ими окружающій воздухъ.

Въ тотъ же мигъ безпокойство ея передалось и всѣмъ остальнымъ.

Ганцъ въ недоумѣніи глядѣлъ на эту перемѣну, рѣшительно, не зная чѣмъ можно было бы объяснить ее. У него мелькнула было мысль, что можетъ быть это не болѣе, какъ дѣйствіе сказки, но, случайно взглянувъ на хозяина и его сына, онъ къ удивленію своему увидѣлъ, что оба они, словно литыя изваянія, неподвижно замерли въ напряженныхъ позахъ, а въ глазахъ ихъ холоднымъ блескомъ стали свѣтятся не добрый, зловѣщій огонекъ. Въ немного приподнятой и отнесенной назадъ рукѣ каждый изъ нихъ сжималъ по плоскому рѣчному валуну, а взоры ихъ были устремлены куда-то въ одну и ту же точку.

Ганцъ чувствовалъ, что вокругъ него происходитъ нѣчто странное, не доступное его еврейскому пониманію и хотѣлъ было уже попросить объясненіе, но едва онъ успѣлъ открыть ротъ, какъ хозяйка сильно сжала его руку и знакомъ предложила ему сохранить молчаніе. Совершенно ошеломленный всѣмъ этимъ и даже встревоженный, онъ все же какъ-то невольно покорился и по направленію глазъ всѣхъ окружающихъ старался отыскать тотъ предметъ, который былъ причиною такого необыкновеннаго состоянія всей этой семьи.

Прошла минута, другая,—Ганцъ по прежнему не могъ понять въ чемъ дѣло и всѣ по прежнему сидѣли застывши все въ тѣхъ же напряженныхъ позахъ, какъ вдругъ онъ замѣтилъ, что побѣги куста, росшаго неподалеку отъ его спавшихъ товарищей чуть замѣтно шевельнулись и въ тотъ же мигъ по всему тѣлу его пробѣжалъ невольный трепетъ,—изъ куста показалась огромная змѣиная голова. Ея сверкающіе глаза съ жаднымъ вниманіемъ устремились на безмятежно спавшихъ европейцевъ, въ воздухѣ пронесся едва уловимый зловѣщій свистъ и затѣмъ изъ куста медленно стало выползать огромное тѣло змѣи, яркой лентой запестрѣвшее теперь на бѣломъ пескѣ лужайки. Ганцъ навѣрное бросился бы на помощь своимъ товарищамъ и тѣмъ самымъ можетъ быть погубилъ бы и ихъ и себя, если бы его снова не удержалъ повелительный жестъ хозяйки, которому онъ повиновался помимо своей воли. Глядя на всю эту дикую, непривычную ему сцену, онъ вдругъ съ необыкновенной ясностью понималъ, что передъ нимъ дѣйствительно иные люди, живущіе иной непонятной ему жизнью и что здѣсь самымъ благоразумнымъ будетъ—безъ разсужденій отдаться подъ защиту этихъ странныхъ существъ.

Однако, слѣдовать этому рѣшенію при настоящихъ обстоятельствахъ стоило Ганцу неимоверныхъ усилій. Змѣя все

больше и больше приближалась къ спящимъ; вотъ она уже вплотную подползла къ дядѣ Карлу и надъ нимъ медленно и безшумно начала приподыматься ея зловѣщая голова. Хозяйкъ снова едва удалось удержать на мѣстѣ всѣмъ тѣломъ дрожавшаго Ганца.

— Сиди, — едва слышно прошептала она, — иначе змѣй убьетъ этого человѣка.

И Ганць снова замеръ на мѣстѣ. Едва отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что происходило передъ его глазами съ невыразимой тоской глядѣлъ онъ на своихъ спящихъ друзей, на поднявшуюся надъ ними страшную голову чудовища и на этихъ двухъ человѣкъ съ напряженными мускулами и съ острыми сверкавшими взглядами, отъ которыхъ ожидалъ онъ теперь помощи своимъ друзьямъ.

Вдругъ змѣиная голова слегка откинулась назадъ, изъ ея пасти сверкнулъ быстрый какъ молнія языкъ и послышалось то тихое страшное шипѣніе, которое предшествуетъ обыкновенно смертельному удару... Ганць не выдержалъ и вскрикнулъ... но въ тотъ же мигъ рука юнаго туземца, словно стальная пружина метнулась впередъ, въ воздухѣ что-то мелькнуло и змѣиная голова, будто взорванная пороховымъ патрономъ, разлѣтѣлась въ куски, обдавъ дядю Карла цѣлымъ каскадомъ кровавыхъ брызгъ. Уже безвредный, но еще полный жизни и движенія, трупъ змѣи съ разможенной головой повалился на ноги Югана, извиваясь въ предсмертныхъ конвульсіяхъ.

Глубокій вздохъ облегченія вырвался изъ груди Ганца. Онъ съ безпредѣльной благодарностью взглянулъ на юношу и его отца и при этомъ невольно замѣтилъ, что въ глазахъ этихъ людей уже погасъ тотъ дикій и жестокій блескъ, которымъ лишь за минуту передъ тѣмъ горѣли ихъ взоры; теперь передъ нимъ снова были простые, добрые и вполне

понятные ему люди, въ которыхъ онъ если и удивлялся чему-нибудь, такъ развѣ только тому спокойствію, съ которымъ они относились къ происшествію, казавшемуся ему столь необычайнымъ. Дѣйствительно юноша и его отецъ даже не поднялись со своихъ мѣстъ, чтобы поглядѣть на побѣжденнаго врага,—къ чему, развѣ они не были увѣрены въ мѣткости нанесеннаго удара, развѣ каждый день ихъ жизни не приучилъ этихъ людей считать подобные случаи столь обыкновенными, что на разговоры о нихъ не стоитъ тратить ни словъ, ни времени! Даже дѣти совершенно спокойно подошли вмѣстѣ съ нимъ къ спящимъ, чтобы осмотрѣть туловище убитаго змѣя, тогда какъ онъ, будучи уже взрослымъ человѣкомъ, не могъ смотрѣть на это огромное тѣло безъ невольнаго чувства страха. Да, даже дѣти первобытнаго человѣка такъ глубоко понимали всю безвредность этого, когда-то страшнаго врага, что созерцаніе его не вызывало въ нихъ ничего кромѣ простого любопытства. Эта простота и естественность отношенія тогдашняго человѣка къ дѣйствительности сильно поразили нашего юнаго европейца.

Наконецъ, увѣрившись съ совершенной безопасности своихъ товарищей, онъ подошелъ къ хозяину и его сыну и всѣми силами старался выразить имъ свое удивленіе ихъ искусству и свою горячую признательность за избавленіе его друзей отъ грозившей имъ опасности.

Между тѣмъ, дѣти принялись оттаскивать въ сторону огромное пятиметровое туловище змѣи, чѣмъ и разбудили, наконецъ, крѣпко уснувшихъ европейцевъ, которые, не обративъ вниманія на возню дѣтей, поднялись со своего песчанаго ложа и, потягиваясь послѣ крѣпкаго сна, подошли къ Ганцу и его собесѣдникамъ.

Представьте же себѣ ихъ удивленіе, когда Ганцъ разска-

заль имъ отъ какой ужасной опасности избавились они, благодаря ловкости и хладнокровію юнаго туземца. Только тутъ обратили они вниманіе на то, что вся грудь дяди Карла была сплошь забрызгана кровью. Когда же Іоганъ взглянулъ на убитую змѣю, то минувшая опасность показалась ему такъ велика, что бѣдный малый испыталъ припадокъ не-удержимаго паническаго страха, и поднялъ такой отчаянный крикъ, какъ будто бы змѣя только теперь собиралась нападать на его драгоцѣнную особу.

— Держите, держите ее!—кричалъ онъ дѣтямъ, тащившимъ змѣю,—держите, пока я взлѣзу на дерево. Ой, ой, ой, Ганцъ, да помогите же мнѣ взобраться на него!

— Ну полно, полно любезнѣйшій, силился успокоить его г. Курцъ, вѣдь говорятъ же вамъ, что змѣя убита.

— Ай, ай, ай! Не подходите ко мнѣ, г. профессоръ,—вопилъ Іоганъ, отмахиваясь обѣими руками отъ своего патрона, который сдѣлалъ было нѣсколько шаговъ по направленію къ нему, вы сплошь усѣяны теперь ядовитыми зубами этого чудовища и можете нанести мнѣ смертельное укушеніе.

— Что за чепуху несете вы, милѣйшій, гдѣ это вы видали, чтобы благовоспитанные люди наносили бы другимъ смертельныя укушенія, съ негодованіемъ воскликнулъ дядя Карлъ.

— Гдѣ я видѣлъ! Я боюсь какъ бы этого не случилось здѣсь; вы вѣрно забыли, что послѣ удара камнемъ вся змѣиная голова посыпалась прямо на васъ и всѣ ея зубы навѣрное торчатъ теперь гдѣ-нибудь на вашихъ листьяхъ.

— Да успокойтесь же милый Іоганъ,—вмѣшался Ганцъ,—ручаюсь вамъ, что всякая опасность миновала.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу на дерево; ради Бога, помогите мнѣ взобраться на дерево; да выкупайте вашего дядюшку,

иначе онъ погубить всѣхъ васъ. И Іоганъ старательно карабкался на дерево, беспомощно сползая по его гладкой поверхности.

Дѣлать было нечего. Ганцъ понялъ, что при такомъ состояніи на Іогана не подѣйствуютъ никакіе доводы, а потому безъ дальнѣйшихъ возраженій помогъ несчастному взобраться въ его спасительное убѣжище.

Только посидѣвъ тамъ съ четверть часа и увидѣвъ, что профессоръ основательно отмылся въ рѣкѣ отъ змѣиныхъ зубовъ, Іоганъ мало-по-малу сталъ приходить въ себя.

Между тѣмъ, мѣстные жители съ большимъ удивленіемъ смотрѣли на всю эту сцену, совершенно не понимая, что такое происходило съ однимъ изъ странныхъ обитателей „другого берега Большой Рѣки“. Наконецъ, юноша не выдержалъ и обратился къ Бруно за объясненіемъ.

— Скажи мнѣ, что случилось съ „Круглымъ Человѣкомъ“, спросилъ онъ съ видимымъ участіемъ и неподдѣльнымъ изумленіемъ.

— „Круглый Человѣкъ“, — улыбаясь отвѣчалъ тотъ, — очень боится змѣи.

— Какой змѣи! — воскликнулъ хозяинъ, — съ безпокойствомъ озираясь вокругъ, развѣ онъ чувствуетъ другую змѣю!

— Нѣтъ, нѣтъ, — поспѣшилъ успокоить его Ганцъ, — онъ боится той змѣи, которую убилъ твой сынъ.

— Той, которую я убилъ... Почему же онъ ее боится, въ раздумьи бормоталъ юноша и потомъ вдругъ, словно сообразивъ въ чемъ дѣло, воскликнулъ:

— А-а! Теперь я знаю почему. Онъ думаетъ, что она еще жива. Такимъ рѣшеніемъ столь запутаннаго вопроса туземцы, видимо, совершенно удовлетворились, и молодой человѣкъ обратился къ Ганцу со слѣдующими словами:

— Скажи ты Круглому человѣку, — что онъ можетъ не

бояться,—мой камень всегда убиваетъ того звѣря, въ котораго я его бросаю.

Въ этой маленькой фразѣ сказала еще одна особенность первобытнаго человѣка, такъ какъ въ тонѣ его рѣчи Ганцъ не подмѣтилъ и слѣда хвастовства своимъ искусствомъ, напротивъ все это было сказано, очевидно, только для того, чтобы успокоить напрасно встревоженного человѣка, который просто на-просто можетъ быть не знать: насколько можно положиться на его ловкость.

— Слышите ли Юганъ,—крикнулъ Ганцъ, обращаясь по-нѣмецки къ несчастному гастроному, который, скрываясь отъ несуществующей опасности, взобрался чуть не на самую верхушку дерева, совершенно исчезнувъ въ его густой непроницаемой листвѣ; слышите ли вы, что говоритъ этотъ юноша. Ну, чѣмъ же прикажете вы объяснить нашимъ хозяевамъ, шутливо продолжалъ онъ, ваше непонятное имъ поведеніе.

— Скажите вы этимъ допотопнымъ дуракамъ, что они не доросли еще до пониманія чувствъ цивилизованнаго человѣка, съ раздраженіемъ отвѣчалъ тотъ изъ своего вѣтвистаго убѣжища, а если вы со мною не согласны, такъ попытайтесь растолковать этому народу, какую роль играютъ наши нервы въ XX-омъ вѣкѣ.

Содержаніе: Дѣти, бесѣдующія о политикѣ. *А. Гиль.*— Катринъ, Катишь, Катюшка и Катька. Разсказъ *Л. Чарской.*—Спички. *Н. Якубовскаго.*—Въ глубь вѣковъ. *П. Джунковскаго.* (Продолженіе).

Типо-Литографія Ю. Венеръ преемн. О. Фалькъ.

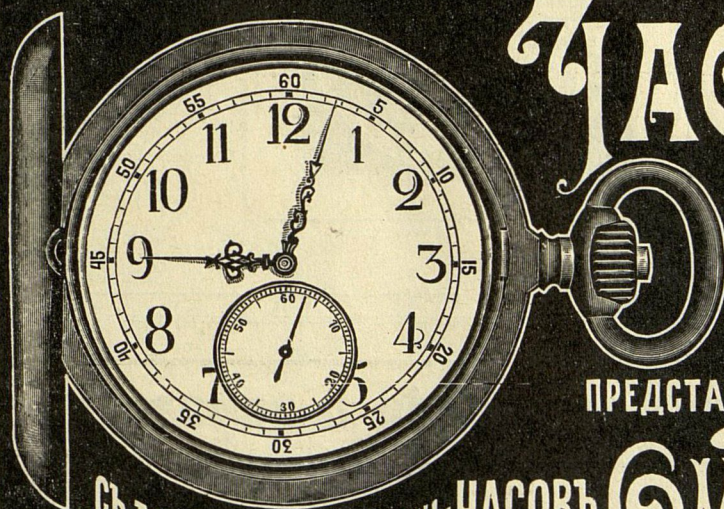
Петровка, Рахмановскій пер., д. Грачева.

Редакторъ-издатель

Ж. М. Фиделли.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
М.П.КАЛАШНИКОВЪ и СЫНЪ

ЧАСЫ

ПЕРВОКЛАСНЫХЪ
ФАБРИКЪ

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

СЪ ТОЧНОСТЮ ВЫВЕРЕНН- ЧАСОВЪ

ОМЕГА

И ВСЕВОЗМОЖНЫЕ СТОЛОВЫЕ и СТѢННЫЕ,
ВСѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ и ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ

Г. ЧАСОВЩИКОВЪ и ЛЮБИТЕЛЕЙ

МОСКВА.

ИЛЬИНКА, Д. КУПЕЧЕСКАГО ОВА

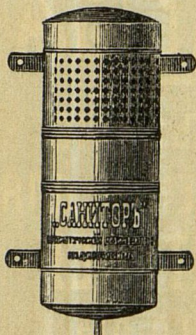
ТРЕБУЙТЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

Б. П. ГЕРКЕ

Бойтесь эпидеміи и заразы!

Вы будете здоровы, если

устраните неприятные и вредные газы въ клозетѣ, уничтожите микробы зародышей болѣзней, будете имѣть легкій и пріятный воздухъ въ помѣщеніи (запахъ сосны и лѣсной воды), все это достигается американскимъ дезинфекторомъ и воздухоочистителемъ

„САНИТОРЪ“,

необходимымъ въ каждомъ хозяйствѣ, гостиницѣ, вокзалѣ, вагонахъ ж. д., общественныхъ учрежденіяхъ и проч. Цѣна за штуку Р. 6, жидкость—85 к.

Главный складъ у **Роберта ПФЕФФЕРЪ**,
Москва, Мясницкая, д. Солдатенкова.

Телефонъ № 52-30.

Большой выборъ телефоновъ
и огнегасителей.

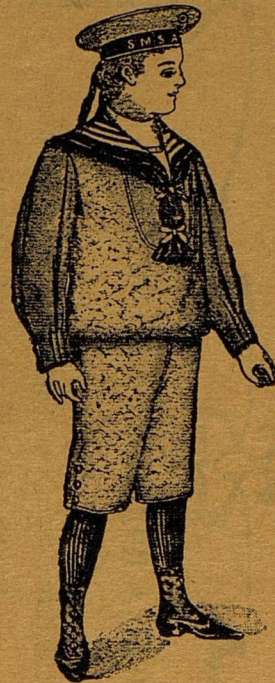

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ

Т-ГО Д-МА

Русаков и Попов
МОСКВА,

Кузнецкій пер., (близъ Петровки), домъ Горчакова, 4 — 17.

Иллюстрированныя прейс-курanty бесплатно.

Открыта подписка на 1908 г.

(2 годъ изданія)

на популярно - образовательный и литературно - художественный иллюстрированный

журналъ для дѣтей 9—12-лѣтняго возраста.

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственнѣе вліяніе на зарождающееся сознаніе молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ внѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гігіенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти и рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзвѣваться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ПРИ УЧАСТІИ:

Е. Бѣмъ, Н. Бронскаго, Г. Володина, И. Воскобойникова, Н. Гиляровской, Проф. С. Глазеналя, А. Гречанинова, П. Джунковскаго, Н. Клинскаго, В. Комарова, Проф. Н. Кочетова, А. Куприна, Ц. Кюи, Л. Пастернакъ, Петрова-Леонидова, Л. Чарской, Е. Чирикова, К. Шестакова, Т. Щепкиной-Куперникъ, Н. Якубовскаго и др.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложений.

Подписная цѣна на годъ 3 руб. съ пересылкой.

Подписки принимаются въ Конторѣ Редакціи, Москва, Малая Лубянка, 18, Телеф. № 15-03, въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Москва, Кузнецкій мостъ, а также въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.